

Ян Грабовский

**РЕКСЯ и
ПУЦЕК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Ян Грабовский
РЕКСЯ И ПУЦЕК

РАССКАЗЫ

Перевод с польского Б. Заходера

Рисунки В. Лосина

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973

И (Пол)

Г 75

Издание третье

Грабовский Ян.

Г 75 Рекся и Пуцек. Пер. с пол. Б. Заходера.
Рис. В. Лосина. М., «Дет. лит.», 1973.

96 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ)

Ян Грабовский — известный польский писатель и педагог. Его рассказы о животных отличаются большой наблюдательностью, тонким юмором.

В сборник включены рассказы «Рекся и Пуцек», «Гусыня Малгося» и другие.

Г $\frac{0762-265}{101(03)-73}$ 584—73

И(Пол)

Сколько на свете книг про зверей и птиц! И чудесные сказки про Куму Лису и Братца Кролика, про Серого Волка и Жар-птицу, и басни, и рассказы, и повести и даже романы — всего и не перечёт. Кажется порой — ну что ещё можно рассказать нового о животных? Да тем более не о львах и слонах, обитателях далёких, таинственных стран, не о сказочных чудовищах, а о самых обыкновенных собаках и кошках, курах и гусях! Что про них расскажешь интересного?

Оказывается, очень много!

Слыхали вы, например, чтобы овца почти превратилась в собаку и даже выучилась лаять на прохожих? Или о том, чтобы гусыня, обыкновенная гусыня, служила сторожем?

Наверно, не слыхали.

А вот польский писатель Ян Грабовский познакомит вас с ними. И не только с ними. Обо всех своих мохнатых и пернатых героях Грабовский знает такие интересные истории, что начнёшь читать — и не оторвёшься.

«Откуда он всё это знает? — спросите вы. — В чём его секрет?»

Есть у Яна Грабовского повесть-сказка, которая называется так: «Совершенно ручной человек». Это странное название, если верить автору, придумали... воробьи! Да, да, самые обыкновенные воробьи. Это они прозвали «совершенно ручным человеком» самого Грабовского. А он, писатель, только подслушал эти слова — и озаглавил ими свою повесть...

Это, конечно, шутка. Но есть в ней большая правда.

Старый польский учитель и замечательный писатель Ян Грабовский так любил и понимал животных, с такой любовью и уважением — именно уважением! — относился к ним, что они доверчиво раскрывали ему свои секреты. И вполне могли считать его «совершенно ручным» — он никогда не обманывал их доверия.

Герои его рассказов и повестей — озорные щенята Рёкса и Пуцек, гусыня Малгосья и овечка Мётка, ворон Пипуш и многие, многие другие — стали любимцами польской детворы. И не только польской. Хотя писателя уже нет на свете — он умер в 1950 году, — книги его «Крылатая братия», «Любимый зверинец», «Рёкса и Пуцек», «Европа» выходят во многих странах все новыми изданиями.

Познакомьтесь же и вы с замечательным писателем братской страны и с его забавными героями.

Борис Заходёр

МЕТКА

На той сторонé у́лицы, почти́ напрóтив на́ших ворóт, стоя́л в саду́ до́мик. Так себé до́мик — не красáвец, не уро́д. Почему́ он почти́ всегдá пустова́л, т́рудно́ бы́ло по-ня́ть. Так уж ка́к-то получи́лось, что кто бы ни посели́лся в э́том до́ме, са́мое бо́льшее че́рез полго́да уезжа́л из на́шего городка́.

Еди́нственным постса́нным жильцо́м ве́чно пустова́вшего двора́ был пан¹ Попё́лэк, почта́льо́н. Занима́л он две малю́сенькие комна́тушки во фли́геле². Он был вдовцо́м и раст́ил двух дочере́й-близнецо́в — Зо́сю и Ви́сю. Де́вочки бы́ли так похо́жи друг на дру́га, что я различа́л их то́лько по цве́ту ленточек, кото́рыми о́ни завязывали сво́й то́ненькие коси́чки. О́ни че́м-то напомина́ли ма́леньких котя́т

¹ Пан (по́льск.) — господи́н.

² Фли́гель — пристро́йка сбо́ку гла́вного зда́ния и́ли небольшо́й отде́льный дом во дворе́.

пéпельной¹ шéрсти. БЫли онí обе степéнные, вáжные, говорíли мáло и всегда хóром. На прогу́лках онí водíли за собóй на красной лéнточке чёрную овéчку, котóрую зва́ли Жемчúжинкой.

Жемчúжинка — это была не овéчка, а чúдо ума и вёрности. Так, по крайней мéре, уверя́ли обе сестри́чки. Дóлжен призна́ть, что действительно чёрная овéчка всегда ходíла за де́вочками по пя́там; когда её зва́ли по ймени, блéяла. Но всё-таки это была́ то́лько овца́. И бо́льше ничегó. Глаза́ её смотре́ли на мир со́нно и слезли́во. Но это, как мне каза́лось, бо́льше всего́ и нра́вилось сестри́чкам Попелю́шкам в их овéчке.

— Она́ такая́ крóткая! — восхища́лась Зо́ся.

— И такая́ ла́сковая! — вто́рила Ви́ся.

Ну что ж, прекра́сно! Сестри́чки и их крóткая овéчка о́чень любíли друг дру́га — чегó же ещё́ ну́жно?

Ка́к-то де́вочки не́сколько дней не показывались со своей овéчкой на у́лице. Говорíли, что Жемчúжинка заболéла. Вдруг по́сле обе́да сестри́чки влетáют ко мне в сад. Морда́шки запла́каны, глаза́ полны́ слéз, а подборóдки так трясу́тся, что бедня́жки сло́ва не вы́говорят.

— Что случи́лось? — спра́шиваю.

— Ах, дядя́ Ян! — всхли́пывает Зо́ся.

— Тако́е несча́стье! — вто́рит Ви́ся.

И обе в слéзы! Пла́чут-залива́ются!

Я их успока́иваю как умею. Дал по конфéтке. Ника́кого впечатлéния. Дал по второ́й — не помога́ет. То́лько когда угости́л их вишне́вым варéньем, удало́сь вы́яснить, в чём де́ло. Жемчúжинка умерла́...

— Что ж поде́лаешь, ми́лые, — говорю́, — тут уж ничём не помо́жешь.

¹ П é п е л ь н о й — свéтло-се́рой.

— А что будет с Мёткой? — спрашивает меня Вися и снова в слёзы.

— Да, как же Мётка? — повторяет сквозь слёзы Зося.

— Какая ещё Мётка? — удивляюсь я. — В жизни не слышал ни о какой Мётке!

Оказалось, что у Жемчужинки появилась дочка, что эту дочку, такую же чёрную, как и её мама, девочки уже назвали Мёткой, что Мётке этой всего три дня от роду, и о том, чтобы кормить её соской, не может быть и речи. В общем, дела такие, что хоть прощайся с Мёткой!..

Сижу и думаю, как пособить маленьким заплаканным Попелюшкам. И вспоминаю вдруг о нашей Верной. Говорю девочкам:

— Давайте сюда свою сиротку! Верная — собака добрая, благородная. И она как раз сейчас кормит сынишку. Может быть, примет и вашу Мётку в свою семью. Попробуем!

Сестрички Попелюшки удивлённо уставились на меня.

— Нашу Мётку отдать собаке? — обиделась Зося.

— В собачью конуру? — поддержала её Вися и пожала плечами.

— Или в собачью конуру, или ничем вам помочь не смогу, — коротко отвечаю я. — А что ваша Мётка за птица такая, чтобы не могла стать приёмной дочкой моей Верной? Хорошо, если бы у всех людей было такое золотое сердце, как у этой собаки!

Дéвочки переглянúлись, подúмали, подúмали — и, ни слóва не говоря, побежáли домóй. Онí тут же вернúлись.

— Вот она́, — говорит Вíся и развёртывает кусóк стáрой овчýны. А там — ягнёночек.

— Овчýна — это Мёткино придáное, — объясняет мне Зóся.

— Чтóбы ей бýло тёплó в конурé, — добавляет Вíся.

Идём с Мёткой и её придáным к конурé. Зовú Вёрную. Выхóдит. Смóтит она́ мне в глазá прэданным взглядом, но машет хвостóм кáк-то торопливо.

«Если у тебя́, хозýин, ко мне вáжное дéло, — говорит, — то скажй скорéй. Ведь ты знáешь, что у меня́ в конурé мальш. Нельзя́ ни на минúту оставлять его́ без при-смóтра».

Я положйл перед Вёрной на зéмлю Мётку в овчýнке. Ягнёночек был так слаб, что не стоял на ногáх.

— Это свой, — говорю Вёрной. — Свой, мýлая!

«Да как же мóжно не пожалеть тако́го беспóмощного червячкá!» — отвечáют мне чéстные собáчьи глазá. Взлá моя Вёрная ягнёнка осторóжно за шйворот и унеслá к себе́.

Попелюшки онемели от изумлénия. А когдá пришлй в себя́, схватйли овчýну и полéзли обе рáзом в конурú.

— Вы уж не вмéшивайтесь! — говорю дéвочкам. —

Видно, Вёрной овчínка вáша ни к чему́. Уж она́ лúчше всех знáет, как ей воспíтывать свою́ приёмную дóчку.

Девчúшки постоя́ли перед конуро́й с овчínкой в руках, постоя́ли — и пошлí.

Но с тех пор ежеднёвно, по нёско́лку раз в день, появля́лись на нáшем дворе́. Оنى́ приноси́ли с собо́й како́е-нибудь угощё́ние для Вёрной, мо́лча кла́ли его́ в ми́ску и уса́живались на ко́рточках перед конуро́й. Но Мётки не́ было ви́дно: в конуре́ бы́ло темно́, Мётка бы́ла чёрная и не вы́совывала но́са на свет. То́лько иногда́ вы́глядывал из бúдки кашта́новый у́валень¹ — сыни́шка Вёрной, пуши́стый и крúглый, похо́жий на плюшевого медвежо́нка. Сестри́чки окрести́ли его́ Ми́шкой. Так и оста́лось. Но и Ми́шке не хоте́лось выходи́ть из конуры́. На све́те в э́то вре́мя бы́ло совсе́м неинтересно́.

Без перерыва́ лил дождь, сто́ял пронíзывающий хо́лод, как ча́сто бывáет ра́нней весно́й.

Наконе́ц вы́глянуло со́лнце. Попелю́шки как раз верте́лись во́зле конуры́. И вдруг я слы́шу их визг:

— Вот она́! Вот она́! На́ша Мётка! На́ша Мётка!

Гляжу́, че́рез вы́сокий поро́г конуры́ с трудо́м перева́ливается кашта́новый клубо́к — Ми́шка. Вы́шел, усёлся, зевну́л и с аппети́том чихну́л. За ним вы́скочила Мётка. Ста́ла перед бúдкой, отряхну́лась, и — я да́же глаза́ протёр от изумле́ния! — предста́вьте себе́: она́ вдруг усéлась на зéмлю — то́чь-в-то́чь как соба́ка.

Ми́шка отпра́вился путеше́ствовать по́ двору. Мётка — за ним. Она́ оста́навливалась, когдá он сади́лся, пуска́лась гало́пом, когдá Ми́шка вырыва́лся вперёд. Ми́шка залёз в лу́жу, Мётка зашлёпала по воде́. Намо́кший Ми́шка запла́кал, запла́кала и Мётка, хотя́ во́все не намо́кла. Чудеса́!

Попелю́шкам всё э́то о́чень не понра́вилось. Почему́?

¹ Увалень — здесь: неуклю́жий, неповоро́тливый, медлíteльный в дви́жениях щено́к.

Прежде всего потому, что я запретил им брать на руки и Мiшку и Мётку. Что мне, жалко было? Да, жалко. Жалко малышей. Ведь они очень хрупкие, верно? Неосторожным движением можно искалечить такую крошку на всю жизнь. А ведь животное не игрушка, правда?

Я объяснил это сестричкам. Но, очевидно, мои слова их не убедили. Девочки обиделись. И перестали ходить к нам во двор. А вскоре уехали к тётке в деревню.

Я был этому рад. Почему? Да как бы вам сказать... Я всё больше убеждался, что Мётка ни капли не похожа на свою маму, Жемчужинку. Не была она ни короткой, ни ласковой. Одним словом, ничего в ней не было похожего на овечку, на ту приторно-сладкую овечку, которую ожидали Попелюшки. Мётка «особачилась». Особачилась окончательно и бесповоротно!

Вы спросите: как это «особачилась»? А так: стала вести себя совершенно как собака. Как её приёмная мать Бёрная и молочный брат Мiшка.

Мётка делала всё то же, что делал Мiшка. Мiшка гонялся за курами — Мётка гонялась за курами. Мiшке часто влетало от белого петуха, и Мётке от него же часто доставалось. Мiшка ссорился с утками — Мётка отгоняла их от корытца. Мiшка прыгал за воробьями — Мётка ловила бабочек. Спали они вместе в конуре, вместе отправлялись на экскурсии к пруду. Бегали по двору, описывали восьмёрки вокруг столбов. И ещё: одинаково резво улёпывались они от метлы в карающей деснице¹ нашей Катерины.

¹ В карающей деснице — устаревшая форма. Карать — наказывать: десница — рука.

Одно только разделяло их — еда. Мётка, правда, совала нос в собачью миску, но каши есть не могла. Зато Мíшка делал большие глаза, когда Мётка щипала травку или жевала сено. Он не переставал изумляться, что его дорогая Мётка может есть такую гадость.

Как-то я купил для Мётки овечье лакомство — кусок каменной соли. Положил его в решето и оставил на дворе. Ну и заработала же Мётка языком, вылизывая соль! Прямо как ветряная мельница крыльями. Вы, наверно, ничего подобного не видели! Заметил это Мíшка. Заворчал, тавкнул, оттолкнул Мётку и хватить зубами соль! Да как фыркнет! Начал чихать, отплевываться, вытирать язык о траву. С тех пор с отвращением смотрел на решето и на Мётку, когда она лизала соль.

«Испорченный вкус!» — кривился Мíшка и уходил от греха подальше.

Не думайте, однако, что у Мётки с Мíшкой вкусы были во всем разные. Валялась у нас на дворе кость, мосол, обглоданный чисто-начисто. Мясом там и не пахло — это была просто собачья игрушка. Все щенята скуки ради грызли её в ту пору, когда ничего интересного на дворе не происходило. И как раз из-за этой игрушки однажды Мíшка с Мёткой подрались. Да так основательно, что Мíшка, скуля, убрался в конуру. А Мётка потом долго бегала по двору с костью в зубах.

С тех пор я даже не удивлялся, когда Мётка вместе с Мíшкой выбегала к воротам и облаивала прохожих. Спросите: как это облаивала? А так: блеяла басом, как труба.

Моя племянница Крися научила Мишку служить. Вскóре и Мётка стала ходить на задних ногах, совсем как балерина. Да ещё и «просила» передними ногами куда ловчее и старательнее, чем Мишка, который вообще был страшным лентяем и ничего не хотел делать как следует.

Прошло лето. Попелюшки вернулись из деревни. И в тот же самый день пришли посмотреть, как поживает их Мётка.

Отворили они калитку, остановились. Первым увидел их Мишка. Бросился к ним с лаем. За ним Мётка. Оба прыгают вокруг бедных девчушек, а те стоят, не смея пошевелиться, и смущённо улыбаются.

Вышел я на этот шум, дал каждой сестричке в руки кусок соли.

— Поздоровайтесь с Мёткой, — говорю.

Мётка почуяла соль. И сразу стала «служить». Просит, машет передними ножками.

Сестрички — хохотать.

— Как собака! Как собака! — заливаются обе.

Но вдруг Зосья посерьезнела и говорит:

— Но только уж наша Метка не будет такая, как её мама!

А Вися тоже:

— Не будет такой кроткой, ласковой, как настоящая овечка...

— Ну и что же? — спрашиваю я. — Разве из-за этого вы будете её меньше любить?

Зосья на минутку задумалась.

— Пусть уж будет такая, как есть, — шепнула она.

— Мы и такую будем любить, — поддержала Вися.

Славные, умные девочки были эти маленькие Попелюшки, верно?

И в тот же самый день Метка переселилась на новую квартиру. Как же хорошо было ей там, на просторном, безлюдном дворе!

Когда же по городу разлетелась весть о том, что у Попелюшек есть овца, которая умеет «служить», на дворе сталолюдно. Ведь всем хотелось посмотреть на такую диковину. А маленькие хозяйки очень гордились тем, что у них есть овца, которая — ну совсем как собака!

КРУШИНКА

Была у меня приятельница по имени Ися. Белобры́сая её голова доставала мне как раз до локтя, а глаза у неё были ясные и чистые, как зимнее небо. Она ходила в школу, которая помещалась в большом красивом здании из красного кирпича на углу нашей улицы.

Каждый день, возвращаясь из школы домой, Ися останавливалась у нашей садовой калитки и разговаривала с собаками. Они обычно уже поджидали её. Бывало, только завидят вдалеке маленькую фигурку — и кидаются навстречу, прыгая от радости.

Тому, что к девочке ласкался Тупи — белый кудлатый пёс с голубиной душой, — ещё нечего удивляться. Тупи был самая добротá. Места в его сердце хватало для всех. Но вот Чапа-фокс...¹ Это был себялюбец, для которого, кроме его

¹ Фокс, или фокстерьер, — небольшая собака, с которой охотятся на живущих в норах мелких животных.

собственной миски, не существовало ничего на свете. И этот самый Чапа не мог надыхаться на Исю и даже провозжал её домой, с достоинством подпрыгивая на трёх ногах, как и подобает фокстерьеру.

Нет, это было поразительно!

Я знал, что Ися не приносит собакам никаких лакомств. Дом её отнюдь не был полной чашей. Детёшек была куча, мал мала меньше, а пан Лампярчик, отец Иси, зарабатывал очень немного. Когда же я познакомился с девочкой поближе, я понял, что собаки любят её не ради той крошки, которой она могла их время от времени угостить. Они любили маленькую Исю за её сердце. И за материнскую заботу, которую она щедро дарила всем и каждому.

Ися — это была самая настоящая маленькая мама, внимательная и заботливая. Ясные глазки её всегда видели то, чего никто другой не заметил бы. Она замечала, например, что у меня вот-вот оторвется пуговица, и тут же бралась за иголку. Она зашивала мне порванный палец перчатки, когда я ещё был уверен, что мой перчатки в полном порядке. Она умудрялась заметить, что Тупи сегодня невнятно выглядит; вынимала у Чапы из ноги колючку, хотя он и не думал хромать. А у Тупи вытащила как-то из уха клеща, о котором, кроме Иси, никто на свете не знал — даже сам Тупи.

Ися была вечно в трудах и заботах. Думаю, вам не нужно объяснять, сколько хлопот у такой маленькой мамы в большой семье, где много беспомощных малышей. Тем более, что ей приходилось ещё ухаживать за огородиком, который арендовал её отец. Огородик — несколько грядок — находился на дне большого

оврага, неподалёку от маленького круглого озера, почти сплошь заросшего тростником.

Как-то осенним днём встречаю Исю. На плече у неё — мешок, в руках — мотыга. Спрашиваю, как у них нынешний год уродилась картошка. Ися кивнула головой — мол, неплохо — и начинает мне рассказывать о том, что сегодня творится на озере.

— Что же там такое творится? — спрашиваю.

— А туда, наверно, со всего света ласточки слетелись. Сколько их там, дядя Ян! Так и носятся, так и мелькают, прямо в глазах темно! Ну, как будто кто клубок чёрных ниток размотал на ветру. А уж пищат, щебечут — просто в ушах звенит. Что они там делают, дядя Ян? Люди говорят, что ласточки на зиму хоронятся на дне озёр и прудов, да это, наверно, неправда?

— Конечно, неправда, — говорю. — Они собираются улетать в тёплые края и сейчас советуются перед отлётом.

Разве мало у них дел, которые надо обсудить перед такой дальней дорогой!

— А когда они улетят?

— Этого уж никто не знает, кроме самих ласточек, дётка. Но вот увидишь, случится это так внезапно, словно ласточки действительно в воду канут. Потому-то, наверно, и пришло людям в голову, что ласточки на зиму хоронятся в прудах и только весной оттуда выходят...

Выслушала Ися мой рассказ, вежливо со мной простилась и пошла. На завтра она зашла за мной, и мы вдвоём отправились к озерку. Митинг у ласточек был в полном разгаре: писк стоял такой, что я едва мог разобрать, что мне Ися говорила.

А на другой день, когда мы с Исей снова пришли на озеро, там было тихо-тихо, только ветер шумел в камышах.

— Улетели, все улетели, — говорит Ися, глядя то на небо, то на зелёную воду, которая кое-где просвечивает в зарослях.

И вдруг она бросается вперёд. На берегу ложится на живот, раздвигает камыш, отгоняет Тупи, который уже что-то учуял и полз было в воду...

Вот она встала. Что-то осторожно держит в руке. Смотрю — ласточка! Чуть живая. У неё сломано крыло. Головка в крови.

Обмыли мы с Исей несчастную пташку озёрной водой и завернули в мой носовой платок. У меня было мало надежды, что бедная ласточка выздоровеет, но Ися была другого мнения.

Накопали мы картошки и пошли обратно. Ися несёт ласточку, я — мотыгу и мешок. Вдруг на полпути Ися остановилась и смотрит на меня. По глазам вижу, что она очень озабочена.

— Ты что, Ишенька? — спрашиваю.

— А что же мне делать с Константином? — говорит дёвочка встревоженно.

— Гм! Ну что ж... Оставь пока ласточку у меня, — отвечаю. — Посажу её в клетку — будет там у неё больница. А ты будешь навещать её, когда только захочешь. Идёт?

Ися согласилась. На том и порешили. А надо вам сказать, что Константин — это был большущий рыжий котёнок, от которого добра ждать не приходилось.

Ласточка осталась гостить у меня, но Ися забегала к нам по несколько раз в день. И если птичка выжила и, что важнее всего, срослось её поломанное крылышко, это была целиком Исины заслуга.

Я поражался, глядя на эту девчужку. Так же, как она лучше Тупи знала, что ему докучает клещ, так и тут она сердцем угадывала, что нужно сделать, чтобы её ласточке было хорошо. А было это вовсе не легко! Ласточка была дикая, недоверчивая, привыкала к людям с большим трудом. Боялась всех, кроме Иси.

Когда птичка почувствовала себя настолько хорошо, что уже не нуждалась в больничном режиме, мы переселили её из клетки в прачечную. Там ей было свободнее да и теплее. Ласточка целые дни просиживала на подоконнике. Была она грустная, осовевшая¹. Оживлялась лишь тогда, когда на дворе показывалась Ися.

Она и тогда не трепетала от радости крыльями, как делают другие птицы, а только быстро, нервно вертела головкой и цвиркала. Звук был пронзительный, словно стекло разбилось.

Ися назвала свою ласточку Крушинкой — это значит

¹ О с о в е л а я — полусонная.

Крѡшка. Она́ уверя́ла нас, что птѣчка прекра́сно зна́ет своё и́мя. Мы ве́рили ей на́ слово. Скажу́ вам то́лько, что я мог до хрипоты́ выкрики́вать: «Круши́нка! Круши́нка!» — а Круши́нка, как гово́рится, и у́хом не вела́¹.

Вообще́, на мой взгляд, ла́сточка была́ птѣчкой не сли́шком общи́тельной.

Не так ду́мала Ися. Она́ могла́ часами́ рассказы́вать нам о том, кака́я у́мная её Круши́нка, как она́ всё пони́мает и как она́ ра́да, что нашла́ ме́сто, где мо́жет перезимова́ть, дожда́ться весны́.

А зима́ тем вре́менем прошла́. Ра́нней весно́й Ися нача́ла выноси́ть свою́ Круши́нку на во́здух. Птѣчка и под те́плым со́лнцем была́ кака́я-то со́нная и печа́льная. Пра́вда, поро́й пыта́лась лета́ть — то взлетѣ́т на забо́р, то на крѣшу́ терра́сы. Но ка́к-то неохот́но, нелѡвко, без той чу́десной лёгкости́ полѣ́та, кото́рой отлича́ются ла́сточки. Она́ предпочита́ла сидѣ́ть на плече́ Иси и чирика́ть ей на́ ухо о ка́ких-то ла́сточьих дела́х. Это серьё́зно беспоко́ило де́вочку.

— Дя́дя Ян, ну как же быть? — допы́тывалась она́. — Неужели́ крыло́ у неё не сросло́сь как сле́дует?

— А ты ра́зве не хоте́ла бы, что́бы Круши́нка оста́лась у тебя́ наве́гда? — спроси́л я одна́жды, когда́ Ися реши́ла учи́ть ла́сточку лета́ть, выпуска́я её из черда́чного окна́.

Ися ужасну́лась:

— Круши́нка должна́ быть совсе́м-совсе́м здоро́вой!

¹ Ухо́м не вела́ — здесь: не обраща́ла внима́ния.

Когда придёт настоящая весна и прилетят ласточки из тёплых стран, у моей Крушинки должно быть своё гнездышко. И дети. А такая калёка — кому она нужна?

Ну, и началось обучение полёту. Но оно недолго длилось. В один прекрасный день ласточка вспорхнула на самую верхушку ясеня и просидела там до сумерек, а наутро её уже не было.

В этот самый день появились тучи ласточек — и возле старой колокольни и на городской башне. Целыми роями кружили они над городом. Вскоре под каждой крышей, в каждом подходящем углублении в стене закипела работа.

Ися была счастлива. Она рассказала мне, что у её Крушинки уже есть гнездо где-то здесь, в городе.

— А ты не знаешь где? — спрашиваю.

— Даже если бы знала, то не ходила бы к ней, — отвечает. — Разве у неё сейчас есть время для праздных разговоров? У неё и без того довольно забот — ведь она детей воспитывает... Правда?

Настало лето. Как-то днём забежала к нам Ися. Сидели с ней в садике под липой и болтали о том о сём. Ися угощалась вишнёвым вареньем, которое очень любила. Вдруг вижу — блюдечко с вареньем медленно уплывает из её руки, а ложечка поехала куда-то к Исиному уху. Ясные глазки Иси становятся всё больше и больше — того и гляди, выскочат.

— Что случилось, маленькая? — спрашиваю.

А она не отвечает, только прижала палец к губам и шепчет:

— Вот она! Вот она! Видите? Пришла!

И показывает мне ложечкой на забор. А там сидит ласточка, совсем возле нас.

— Крушиночка! — позвала её Ися.

Ласточка цвиркнула — пронзительно, звонко, словно кто стекло разбил. Облетела вокруг стола раз, облетела

другой. Присела на мгновение на край скамейки, на которой сидела Ися, и улетела.

— Я так и знала! Знала, что она придёт нас поблагодарить! — радовалась Ися. Радовалась от всего сердца — даже заболтала ногами под скамейкой.

А потом прибавила — уже совсем спокойно:

— Да что говорить! Разве мало у такой птички своих забот? Что же тут удивляться, что она не могла побыть с нами подольше. Правда?

Правда, Ишенька! Правда, славная маленькая мама!

Недаром ты сама, как никто, печалилась о чужих заботах и всегда-всегда готова была прийти другому на помощь!

ГУСЫНЯ МАЛГОСЯ

I

С Малгосей я познакомился в совершенно неожиданной обстановке. Ну, как вы думаете, где можно встретить гусыню? На пастбище, на дворе, у речки, у пруда, наконец, на базаре, правда? Но встретить гуся в роли сторожевого пса!.. Согласитесь сами, это не каждый день случается!

А было это так. Лето. Зной. Жара такая, что язык во рту засох от жажды. Иду деревней и раздумываю, где бы достать чего-нибудь попить. Смотрю — сад! Запахло грушами, сочными яблоками, сливами... Я скорей туда. Шагаю по какой-то заросшей стёжке среди деревьев. Ищу садовника. Вдруг кто-то как ущипнёт меня за ногу! Слышу злóbное шипение и отскакиваю в сторону. И тут раз-

даётся такое громогласное гоготанье, словно кто-то в рог затрубил.

Гусыня! Привязанная бечёвкой за ногу! Гогочет — аж захлёбывается! Замолкает только тогда, когда тянется ко мне с раскрытым клювом, пытаюсь ухватить за ногу.

Появился наконец садовник. Гусыня посмотрела на меня, посмотрела на своего хозяина и спокойно принялась щипать травку.

— Умница, Малгося, — похвалил гусыню садовник.

Она умильно гагакнула в ответ.

— Что ж это, у вас вместо собаки гусыня на цепи? — спрашиваю садовника.

— А что? — говорит. — Она лучше собаки стережёт. Никого близко не подпустит к сторожке. А если кто в саду покажется, так трубит, что за мило слышно. Лучше неё никто мне сада не устережёт.

— Ну и ну! — удивляюсь я.

— Да разве вы не знаете, что гусь самая лучшая сторожевая собака? — усмехается садовник.

Я признался, что не знал. Знал я, правда, что давно, очень давно — тысячу лет назад — чуткость гусей спасла Рим. Своим гоготом гуси разбудили часовых, уснувших на стенах города, и из-за этого галлам (был некогда такой народ) не удался ночной штурм. Но и в голову мне никогда не приходило, что своими глазами увижу гуся, который сторожит сад.

Ем я не то яблоко, не то грушу, поглядываю на гусыню и беседую с садовником. Узнаю, что купил он Малгосю совсем молоденьким, едва оперившимся гусёнком.

— Всю зиму и раннюю весну я продержал её дома, в избе, — говорит. — А как настало лето, привёз сюда и поставил сад стеречь.

— А кто её назвал Малгосей? — спрашиваю.

— Назвала её так одна пани, учительница в школе. Наверно, в шутку назвала, да так и осталось... Малгося! — позвал он гусыню.

«Га-га-га!» — вёсело отозвалась она́.

— А что же вы сде́лаете с гусыней о́сенью, когда отсю́да уе́дете? — спра́шиваю садо́вника.

Он уди́вился:

— Как — что? А что де́лают с гуся́ми о́сенью? Съе́м!

Что бы вы сде́лали на моём ме́сте, услы́шав тако́е заявлéние? Ду́маю, то же са́мое, что и я. Я спас Малго́сю от сме́рти, а садо́вника от по́стúпка, кото́рый мне ка́зался почти́ людое́дством. Чело́век хоте́л съесть своего́ дру́га и ве́рного сто́рожа!

До́лго мы с садо́вником торгова́лись, но в конце́ концо́в я купи́л Малго́сю.

Но не так легко́ спасти́ гу́ся от сме́рти, как мо́жет показáться на пе́рвый взгляд. В о́собенности е́сли перед ва́ми не́сколько до́брых киломе́тров пути́ до до́му. Нести́? Что ж, мо́жно нести́. Но ну́жно ли́бо связа́ть гу́сю кры́лья, что́бы он не вырыва́лся, а э́того я де́лать не хоте́л, ли́бо бы́ть гото́вым к до́лгой борьбе́, дра́ке, погоне́. Вести́ её? Пра́вда, я получи́л в при́дачу от садо́вника и бече́вку, на кото́рой была́ привя́зана Малго́ся, но как вы угово́рите гусы́ню иди́ти гуля́ть, когда́ у неё и в мы́слях э́того нет?

Взвёсив всё э́то, реши́л всё же нести́. Взял Малго́сю под мы́шку и поше́л.

Пе́рвые полчаса́ бы́ли су́щей ка́торгой: Малго́ся изо всех сил стара́лась вы́рваться. Она́ крича́ла отча́нным го́лосом, добира́лась клю́вом до моего́ но́са, щипа́ла меня́

за уши... Махала крыльями она так, что мне казалось: того гляди, мы с ней взвьёмся под небеса и полетим над полями.

Несколько раз ей удавалось вырваться. А бегала она, надо сказать, совсем не плохо. На своих «собачьих» харчах гусыня не очень-то раздобрела, и ход у неё был исключительно лёгкий и неутомимый.

Да ещё не забудьте о жарё: пекло невыносимо.

Наконец измучились мы с ней оба до потери сознания. На дороге стоит дикая груша. Сажусь в тень. Утираю пот, отдыхаю.

— Заездила ты меня, — говорю Малгосе.

А она смотрит мне плутовски в глаза, что-то про себя гагакает. И вдруг слезает с моих колен. Ох, думаю, опять

за ней гоняться! А двигаться не хочется. Стало мне уже всё равно. Жду, что будет дальше.

Смотрю, Малгося потянулась, помахала крыльями, переступила несколько раз с ноги на ногу и говорит:

«Ну, раз уж нам вместе путешествовать, так лучше я пойду сама, чем на тебе ехать!»

И помалёнку, вразвэлочку двинулась в путь придорожной стёжкой. Отошла на несколько шагов. Остановилась. Оглянулась на меня.

«Не спешишь? — говорит. — Это хорошо! Поциплю пока что травки. Надо немного подкрепиться после всей этой возни».

И принялась за еду.

С того места и до дому мы шли с ней, как настоящие друзья. Нога в ногу. Спокойно, тихо, не спеша, мирно беседуя. Малгося любила поговорить. Не переставала готовить и не очень-то позволяла мне вставить словечко. Но, правда, иногда требовала ответа. Забегала вперёд меня, смотрела в глаза и не пускала дальше.

«Почему ничего не отвечаешь, когда я тебя спрашиваю?» — упрекала она меня.

Так как я не очень понимал, о чём идёт речь, но не хотел и обижать Малгосю, то говорил ей в ответ что-нибудь ласковое:

— Милая Малгося! Славная ты гусочка! — и гладил её по белой головке.

Это она превосходно понимала. Тёрлась лбом то об мою руку, то об ногу, ласкалась. Побеседовав, мы шагали дальше.

Попался по дороге ручей. Мы с ней вволю напились. Когда дошли до какой-то деревни, я взял Малгосю на руки и понёс. Потом выпустил. А когда мы дошли до второй деревни, она сама остановилась и ждала, чтобы я взял её на

руки. Когда же миновали последние избушки, вылезла у меня из-под мышки.

«Дальше я могу идти сама», — сказала она и зашагала себе по обочине дороги.

II

Она не обратила внимания на уток, едва глянула на кур, но зато внимательно оглядела собак.

«Зачем ты держишь этих противных животных?» — с упрёком сказала она мне и, шипя, вытянув шею, двинулась к собачонкам.

А случилось так, что на дворе была одна молодёжь, собачья мелюзга.

«Ай-яй-яй-яй!» — завопили перепуганные щенята.

И в конуру!

Толкались, лезли друг через друга. Ноги, головы, хвосты так и мелькали в воздухе. И немало времени прошло, пока нашлись смельчаки, отважившиеся выглянуть из конуры хотя бы одним глазком.

С этой минуты маленькие собачонки старались обходить Малгосю стороной. Со старыми псами, особенно с Чапой, Малгося жила в согласии. Помнится, только с Тупи были у неё какие-то мелкие недоразумения на почве ревности — из-за Криси. Тупи любил свою маленькую хозяйку до безумия. Малгося отдала своё сердце ей же. И вот порой возникали споры о том, кого Крися сердечней приласкала или кому первому дала какую-нибудь крошку. Но у обоих — и у Тупи и у Малгоси — был благородный характер. Они слишком хорошо понимали, что, ссорясь между собой, огорчают свою любимицу, и потому дело никогда не доходило до каких-нибудь некрасивых сцен. Самое большее, Тупи показывал нам всем, что его обидели. Ходил жаловаться мне, Катерине. Но не было случая, чтобы он зарычал на Малгосю или оскалил на неё зубы. Нельзя, правда, сказать, чтобы Малгося умела так же владеть со-

бóй. Иногда она шипела весьма грозно и начинала подбираться к Тупиному хвосту. Получала за это по носу. Слегка. Но она смертельно обижалась и немедленно принималась громогласно на весь дом жаловаться:

«Ах-ах-ах! С этим псом нельзя жить под одной крышей! Да-да-да-да-да!»

Но чаще всего, когда Крися выходила в сад, с одной стороны бежал Тупи, с другой шлёпала Малгося. И пусть бы кто-нибудь попробовал подойти к Крисе! Тупи налетал спереди, а гусыня подкрадывалась сзади. И щипала она весьма чувствительно! На собственном опыте убедился в этом Лорд-доберман¹, пёс со двора напротив, который осмелился однажды залаять на Крисю. Тупи вцепился ему в нос, а гусыня занялась той половиной добермана, которая, как он считал, находилась в полной безопасности. Ну и досталось этому Лордишке! Надолго запомнил! К гусыне он с тех пор боялся подойти на пущечный выстрел.

Малгося любила ходить с Крисей на прогулки, особенно за город. Было это зрелище единственное в своём роде.

¹ Доберман — порода собак.

Гусь с собакой идѹт рядышком, плечѡм к плечѹ, за ними— Крися. Малгѡся поминѹтно останавливается, оглядывается, вѣжливо и заботливо гогочет:

«Мѡжет быть, нам прибавить шагу? А мѡжет быть, ты устала?»

И шагает дальше, переговариваясь с Тѹпи, который, впрочем, больше молчит, поскольку его гусиные дела мало интересуют.

Славная гусочка! Был у неё, у бедной, постоянный источник огорчений. Никак она не могла примириться с нашей несправедливостью. А именно: мы её не пускали в комнаты. Почему? Птица не может так следить за собой, как собака или кошка... А нам трудно было согласиться с тем, чтобы у нас на диване был луг, а в столовой гусиное пастбище. Но Малгѡся этого не понимала. Если дверь была отворена, она входила, осматривалась и говорила со всей учтивостью:

«Вот и я!»

Когда её выпроваживали, убежала под террасу и там страдала в одиночестве. Не откликалась на зов, никого не замечала. Неподвижно, грустно глядела в одну точку. Бедная Малгосья!

III

Под этой террасой Малгосья и спала. Она не желала ночевать с утками в птичнике. На зиму она перебралась в прачечную, где было теплее.

И там, на новой квартире, она стала кошачьей нянькой.

Дело в том, что кошка Имка тоже поселилась со всем своим семейством в прачечной. Решив, что её дети будут себя лучше всего чувствовать в клетушке Малгосьи, она устроила их там.

Как-то вхожу я в прачечную. Гляжу — на своём обычном месте сидит Малгосья, растопырив крылья, распушившись. Увидев меня, она зашипела:

«Ш-ш-ш! Тихо! Не шуми — они спят!»

Что-то пошевелилось у неё под крылом. Пригляделся я — бабюшки! Ухо! Кошачье ухо! А вот и вся голова показалась. Смотрит на меня голубыми глазами и зевает — роскошно, во всю розовую пасть! А Малгосья ласково перебирает клювом кошачью шерстку.

С той поры Имка появля-

лась у котят только тогда, когда решала, что их нужно покормить, или задумывала устроить баню всему своему семейству. Пестовала котят исключительно Малгося. Она и вывела их на первую прогулку. И, понятно, приёмные дети доставили ей много волнений. Гусыня никак не могла примириться с тем, что котята ходят по забору или лезят по деревьям. Старалась стащить их на землю. Хватала за хвосты. Кричала на них. Клевала их, когда могла достать, в наказание за эти неразумные и опасные выходы.

Но, будучи умницей, она вскоре поняла, что кошачьей натуры не пересишь, и оставила малышей в покое.

Котята, однако, долго не забывали, что Малгося была их нянюшкой. И, помня, как чудесно было в её пуху, приходили к ней спать. Добрая Малгося прижимала их к себе и заботливо укрывала крыльями.

IV

Вот какая была наша Малгося. А кроме того, был у неё талант — настоящий талант: она выучивалась всевозможным штукам с поразительной лёгкостью. Достаточно было ей раз показать, чего от неё добиваются.

Она прищуривалась и говорила:

«Только-то? Да с удовольствием!»

И всё делала. Очень старательно. И любила этим щегольнуть. Вы не думайте, что животные не любят, чтобы ими восхищались: они очень чувствительны к человеческой похвале. Малгося прекрасно знала, когда нам приносят почту, и ждала почтальона у калитки. Беспо-

кóбилась, когда письмонóсец опáздывал, и стрóго ему́ за это выговáривала. Самá получáла у него́ пíсьма и газéты и относíла нам на террáсу.

Когда мы сидéли в саду́ на скамéйке, достáточно бýло подвínуться и сказáть:

— Малгóся, иди́ к нам! Что такóе? Где ты пропáла?

«Вот она́ я!» — немéленно откликáлась она́.

И мнóго, мнóго рáзных штук знáла нáша Малгóся. Бóльше всего́, однáко, любíла она́ поплясáть. Она́ умéла танцевáть замечáтельный тáнец — гусíный фокстрóт, как мы его́ назывáли.

Нáдо бýло тóлько засвистéть какую́-нибудь плясовую́ мелóдию — Малгóся немéленно начинáла кружíться и махáть крýльями. Танцевáла она́ самозабвénно. Когда́ свист прекращáлся, останáвливалась и прислúшивалась. А потóм недовóльно поглядывала на нас и кричáла:

«Что же это такóе? Где мýзыка? Почему́ не свистíшь?»

И ждалá с нетерпéнием, готóвая вновь пустíться в пляс. Что бýло дéлать? Оставáлось тóлько свистéть и улыбáться, глядя на развесёлые выкрутáсы гусíни-плясúни.

Мог ли кто́-нибудь из нас предположíть, что этот сáмый талáнт лишít нас нáшей Малгóси!

Однáжды лéтом приéхал в наш городóк бродячий цирк. Мы не интересовáлись им. Кто́-то рассказáл, что там выступáют дрессировáнные собáчки, котóрые хóдят на перéдних лáпах, головóй вниз. Мы слíшком хорóшо знáли живóтных, чтóбы не понимáть, какáя это для них мýка, и рещíли не ходíть в цирк.

Затó цирк пришёл к нам.

Кáк-то днём, когда́ Малгóся расчудéсно танцевáла свой фокстрóт, замéтил я у ограды какóго-то чужóго человекá. Он, облокотíвшись на íзгородь, любовáлся тáнцами нáшей гýсочки.

— Продáйте мне гусíню! — крикнул он мне.

— Я не отдаю́ в незнакóмые рúки живóтных, котóрые живúт у меня́ в дóме. Онí — моё́ друзьё́, — отвéтил я.

Он засмеялся. Ушёл. На́завтра Малгосья исчезла. У́ехал и цирк.

Я разы́скивал Малгосью как то́лько мог. И не нашёл. Вот е́сли вы когд́а-нибудь в цёрке встрéтите гусы́ню, кото́рая танцует, позови́те её: «Малгосья!» У моёй бы́ло тёмное пятно́ на ле́вом крыле́, не забу́дьте! Так вот, позови́те: «Малгосья!» И е́сли она́ посмо́трит на вас у́мными гла́зами и отве́тит: «Это я!» — переда́йте ей от меня́, что я её ни-когда́ не забу́ду.

ЖАБА

Все живóтные, котóрые жи́ли на на́шем дворе́, попада́ли ко мне то́лько по во́ле слúчая. Не припо́мню, чтóбы я когда-нибудь купи́л себе́ хотя́ бы одну́ соба́ку и́ли котá. И всё-таки поро́й по на́шему двору́ разгúливало одновре́менно пять соба́к, не́сколько ко́шек, ёжик, га́лка, ручна́я гусы́ня, котóрая разговáривала с на́ми, как человек. А об у́тках, кúрах да́же и вспоми́нать не сто́ит!

Зато́ сто́ит вспо́мнить Пíпуша, во́рона, — ли́чность, во всех отноше́ниях досто́йную внима́ния. Слúчай дарова́л его́ нам в са́мом не́жном во́зрасте. Воронёнок едва́ опери́лся, а вокрúг его́ клю́ва торча́ли жёлтые у́сики — при́знак, по котóрому, как изве́стно, узнаю́т птíчьего младе́нца, инýми слова́ми — желторóтого птенца́.

В ра́ннем де́тстве Пíпуш ма́ло походи́л на прили́чную птíцу. Был э́то прóсто-на́просто ве́чно рази́нутый клюв,

скачущий на двух ногах. Из этого клюва вылетало хрип-лое: «Ррааа!» С утра до вечера. Как труба иерихонская!¹ И клюв этот старался сожрать всё, до чего только мог дотянуться. Палец — так палец, палка — так палка. Скатерть на столе, собачий хвост, голова живой курицы — всё у него шло в дело!²

За эту свою прожорливость Пипуш, понятно, не раз платился. Его это, однако, мало смущало. Лишь после того, как он однажды проглотил солидный кусок мыла и два дня просидел нахохлившись и потеряв всякий интерес к жизни, он начал несколько умерять свой аппетиты.

Но спустя недолгое время он ухитрился заглотать с полметра тонкого резинового шланга. Что тут было! Воронёнок носился по двору как ошалелый, орал благим матом, махал крыльями, а из клюва у него торчал конец шланга. Наконец кто-то, сжалившись, вытащил шланг. Пипуш выпил всю воду из куриной поилки, встряхнул головой и крикнул. С этого часа он уже не бегал с вечно разинутым клювом и старательно избегал длинных предметов — настолько длинных, что их нельзя было проглотить одним духом.

Воронёнок рос и с возрастом становился умнее. Вскоре он понял: всё, что в доме достойно внимания, происходит на кухне. И он делал всё от него зависящее, чтобы из кухни не выходить.

Неприятно мне это говорить, ибо со временем воронёнок наш стал почтенной птицей, но более бесстыдного

¹ Труба иерихонская — шутивное выражение, означающее: очень громкий голос. По древнейшему преданию, стены в городе Иерихоне были разрушены звуками трубы.

² Всё у него шло в дело — здесь: всё воронёнок старался схватить и проглотить.

ворíшку, чем Пíпуш в дётстве, трúдно себе предстáвить. Крал он прямо из-под нóса, крал всё, что тóлько мог схватítь. До того обнаглёл, что однажды захотёл попрóбовать наши котлёты, котóрые как раз жáрились на плитé. И, решív, что котлёты со сковороды́ всего́ вкуснее, прыгну́л обеими ногáми прямо на раскалённую плитú!

Хúдо было Пíпушу, óчень хúдо! Еле-эле мы его́ отходíли.

Пóсле этой катастро́фы воронёнок стал замётно осто́рожнее. От кúхонной плиты́ он держáлся на почтítельном расстоянii.

Вообщé Пíпуш, по мере́ того́ как рос, узнава́л жизнь всё лúчше и прекра́сно по́мнил всё, что однажды ви́дел и́ли узна́л по óпыту. Он хоро́шо знал, что мо́жно себе позво́лить со мной, что ему́ простít Крiся и за что ему́ влетít от Катерiны.

Изучи́л он и харáктеры нáших собак и пришёл к убе́ждению, что мо́жно не обра́щать внимáния на их лай, рычáние и дáже на грóзный оскáл зубóв. Нúжно тóлько вско-

читать собаке на спину и дубасить её клювом по голове — куда попало и сколько влезет.

Понял он, что и с Имкой, кошкой, можно справиться. А у кошки нашей был, надо сказать, довольно тяжёлый характер, и она вертела всем двором как хотела. Когда же Пипуш справился с Имкой, он начал наводить на дворе свой порядок. Выгнал раз и навсегда всех котов, которые приходили в гости к Имке; запретил чужим собакам даже заглядывать к нам во двор.

Не думайте, однако, что Пипуш вообще не терпел чужих. Ничего подобного! Были у него свои симпатии. Вот детей он, правда, недолюбливал. Вероятно, потому, что шагах в ста от нас находилась местная школа. Возвращаясь из школы, шумная гурьба детворы пробегала возле самого нашего забора.

Нельзя сказать, чтобы сорванцы вели себя на улице очень тихо. Шуму и гаму, по правде сказать, было всегда немного больше, чем нужно. Я им это охотно прощал, но вот Пипуш весьма не любил крика.

Ворон хорошо знал, когда кончаются занятия. В эту пору он всегда сидел высоко на липе и кричал с её верхушки своё: «Ррааа!» Что, несомненно, означало: «Тихо вы там, мелюзга! Нельзя кричать на улице!»

Ну, а ребята, естественно, на Пипушевы выговоры не обращали внимания, а может быть, кое-кто ему даже показывал мимикой, что ни в грош его не ставит¹. Отсюда и обиды, понятно?

Но как раз среди школьников Пипуш нашёл подружку, и самую настоящую, задушевную. Звали её Вацкой. Этакая кнопка с белобрсыми косичками, заплетёнными туго-туго. Торчали они у неё как две проволочки.

Была это тихая, кроткая девочка. Её зелёные, как неспелый крыжовник, глаза смотрели на свет, словно удив-

¹ Ни в грош его не ставит — совсем не уважает его, совсем не считается с ним.

ляясь, что небо такое голубое, что цветы так чудесно пахнут. Видели таких девчушек?

Так вот, эта Вацка возвращалась из школы всегда одна. Она останавливалась под липой, заглядывала Пипушу прямо в глаза и говорила ему что-то ласковое. Приносила ли она ему что-нибудь поесть? Сомневаюсь. Впрочем, дружбы, настоящей дружбы, не купить никакими подарками...

Вацка, несомненно, пленила Пипуша своей добротой. Он слетал к ней, усаживался на краю забора, поглядывал на неё то одним глазом, то другим. Однажды позволил ей поглядеть себя по голове, а сам стал перебирать клювом её волосы.

Так началась их дружба. Вскоре, однако, Пипуш пришёл к убеждению, что беседы с Вацкой на заборе кончатся слишком быстро, и он начал провожать девочку домой. Перелетал за ней с забора на забор. Жили мы в таком районе, где все дома стояли в садах.

В конце весны Пипуш уже стал ходить к Вацке в гости — в послеобеденные часы. А когда настало лето, у нас в доме начали твориться непонятные вещи. Невозможно стало, например, напастись пуговиц. Стоило на минуту оставить пальто в передней, и уже наверняка ты недосчитывался по меньшей мере одной, а то и двух пуговиц. А праздничное летнее пальто Катерины осталось без единой пуговицы, словно их ветром сдуло!

Наконец в один прекрасный день исчезли две красивые кораллово-красные пуговицы — украшение Крисинового платья.

И вот после пропажи этих-то коралловых красавиц всё объяс-

нилось. Вскóре к нам в гóсти пришлá Вáцка и при-
неслá в перéдничке несчётное мнóжество всевозмóжных
пúговиц. Бýли среди них и Крúсины крáсные. Вáцка рас-
сказáла нам, что она́ ужé давнó замéтила: ктó-то кладёт
пúговицы на её подокóнник. Не моглá тóлько додúматься,
кто ё́то её так одáривает. И тóлько по ё́тим красíвым ко-
рáлловым пúговкам, котóрые она́ ви́дела рáньше, догадá-
лась, что ё́то наш Пíпуш нóсит ей подáрки. Вот она́ и при-
шлá вернúть нам подношéния своего́ дрúга.

Черномáзый разбóйник сидёл на окнé верáнды и
погля́дывал на то, что происхóдит. Вид у него́ был
сáмый невíнный. Потóм он задúмался и неожíданно
заорáл:

«Грааа! Знáю!»

Совершенно́ я́сно бýло: он пóнял, что его́ мáленькой
прия́тельнице пúговицы не нужны́. И с той поры́ нáчал
носíть ей мой папирóсы. Пóсле папирóс — цветы́, одни́ го-
лóвки. Обрывáл их аккурáтно и тщáтельно. Пíпуш вообщé
во всех делáх отличáлся аккурáтностью́ и добросóвест-
ностью́.

И на цветах всё кончилось, потому что Вацка стала нашей постоянной гостьей. Не было ни нужды, ни времени ходить к ней.

Но вот однажды Вацка пропала. Не приходила к нам целый день. Не пришла и на другой. Мы не знали, что с ней случилось. Но Пипуш знал. Был он не спокоен, взвинчен. То пропадал из дому, то снова возвращался. Кричал своё: «Прааа!» — словно трубил тревогу.

Вскоре узнали и мы, что маленькая Вацка заболела, что окна её комнаты были закрыты, что ворона прогнали, когда он являлся её навестить и пытался потихоньку, по обыкновению, проникнуть к своей приятельнице. Говорили, что он целыми часами выжидал удобного момента, сидя на заборе, и орал благим матом¹, оскорблённый тем, что кто-то осмеливается стать между ним и маленькой Вацкой.

Когда Вацку увезли в больницу, Пипуш стал целые дни просиживать на липе. Не сводил глаз с дороги. Он ждал. Упорно, терпеливо. Может быть, уже начались занятия в школе, думал он, и милая его сердцу девочка скоро появится на знакомой дороге?

Утратив надежду, он объявил войну воробьям. Вероятно, потому, что они облюбовали липу для своих сборищ и их гомон² мешал Пипушу горевать.

Дело шло уже к осени, когда наконец Вацка пришла к нам. За время болезни она очень вытянулась, казалась ещё более хрупкой и тоненькой, чем раньше. Зелёные её глаза стали ещё больше, с ещё большим удивлением присматривались они к жизни, к которой она вернулась.

Самой собой разумеется, первый её вопрос был о Пипуше. Ворон в это время был занят на дворе перестановкой собачьих мисок. За этим увлекательным занятием он всегда забывал обо всём на свете.

¹ Орал благим матом — громко кричал.

² Гомон — шум, глухой говор.

Ва́дка вы́снулась из окна́ терра́сы и позвала́ :
— Пíпуш!

Как то́лько во́рон услы́шал её тоню́сенький, как нíточка, голосо́к, он кри́кнул: «Ррааа!» — и в ту же секунду очути́лся на терра́се.

Если вы не ви́дели его́ в э́ту мину́ту, вы не мо́жете себе́ предста́вить, как пти́ца мо́жет ликовáть. Он с ума́ сходи́л от сча́стья! Забира́лся ма́ленькой Ва́цке под мы́шки, ласка́л её, гла́дил клю́вом по рука́м, по лицу́... Наконéц усéлся ей на плечó и стал легóнько води́ть клю́вом по пробо́ру, разделя́вшему её све́тлые во́лосы. Крича́л на меня́, на Кри́сю, покáркивал ка́к-то страна́но, отрыва́исто — я был в э́ту мину́ту уве́рен, что слы́шу смех во́рона! Внеза́пно Пíпуш ка́ркнул что́-то, сорва́лся с ме́ста и вы́летел в око́шко. Че́рез мину́ту верну́лся и положи́л перед Ва́цкой огро́мную, с до́брое блю́дце, жа́бу!

Во́рон гляде́л де́вочке в глаза́, сло́вно говори́л :

«Ви́дишь! Что там пу́говицы, папи́ро́сы и́ли цвето́чки! Вот э́то настоя́щий подáрок! А всё за то, что ты к нам верну́лась, де́вочка мо́я дорога́я!»

Ну, ра́зве не хоро́шее бы́ло се́рдце у на́шего Пíпуша, е́сли он сумéл так полюби́ть ма́ленькую Ва́цку с зеле́ными глаза́ми?

ЧЕРНЫЙ ПЕТУХ

Ну, кто бы мог подумать, что за один день — да что я говорю, за какой-нибудь час! — весь порядок на нашем дворе полетит вверх ногами? И из-за кого, главное? Из-за обыкновенного петуха!

Да, это было для всех нас полной неожиданностью.

Однако факт остаётся фактом.

Пошёл я как-то на рынок. День был базарный. Но, честное слово, я не собирался ничего покупать. Я просто хотел поглядеть, что люди привезли на базар.

Вот хожу я вдоль прилавков: чем полюбуюсь, что потрогаю, то с тем, то с другим продавцом перекинусь словом.

И вдруг натыкаюсь на коренастую даму в плоской, как блин, шляпе. Она держит под мышкой чёрного петуха. Петушище ростом с доброго индюка, а глаза у него красные,

как кровь. Посмотрел он на меня очень внимательно и, сказал бы я, даже умно. Понравился мне этот взгляд. Я потрепал петуха деликатно по шее. Он — раз! — и клюнул меня в руку.

— Купите кочетка! — предлагает мне дама в блино-подобной шляпе.

Я отговариваюсь тем, что у меня дома уже есть петух, второй мне, мол, ни к чему.

Дама делает вид, что не слышит. Начинает расхваливать своего петуха на все лады. Тычет мне его прямо в глаза, дуёт ему в перья, чтобы показать, какой он жирный...

Надо признаться, умела эта тётя зёбы заговаривать¹. Мастерица была!

Не успел я оглянуться, как петух уже оказался у меня под мышкой.

Бегу я с ним домой. Бегу что есть духу, потому что покупка моя рвётся как ошалелая. Бьёт меня крыльями! Клюётся! А уж кричит, а уж кудахчет — прохожие останавливаются и оборачиваются.

Дотащил я его наконец до своей калитки и пустил во двор.

Чёрный петух взмахнул крыльями и кукарекнул. Голос у него оказался звучный — сущая труба! Он пропел ещё раз. Поскреб ногой землю — раз, другой. И важно, не спеша двинулся по двору. Удивительно красивый, переливающийся всеми цветами радуги хвост волочился за ним по земле.

¹ Умела... зёбы заговаривать — здесь: умела уговорить.

Посреді двора чёрный остано́вился, снова помахал крыльями, осмотрелся, коротко кукарекнул: «Вот и я!» — доведя тем самым до всеобщего сведения, что отныне начинается его правление.

Началось всё с нашего петуха Беляша. Я и ахнуть не успел, как он уже лежал распластанный на земле. Чёрный сидел на нём и учил его уму-разуму. Соскочил. Взялся за селезня. Так отколошматил беднягу, что тот едва мог пошевелинуться. Тут подвернулась Имка, кошка. Петух — к ней. Кошка — наутёк! Петух — за кошкой! Они пронеслись по двору. Имка вскочила на забор. И петух — на забор! Имка — на крышу сарая. И он — на сарай. Еле-эле успела кошка протиснуться в узенькую щель между досками. Петух заглянул в щёлку, потом сердито забормотал, как индюк:

«Помни, что я тут главный!» — и соскочил с сарая.

В мгновение ока Чапа-фокс и Тупи — большая дворняга — спрятались в конуру, и лишь изредка выглядывал оттуда чей-нибудь побелевший от ужаса глаз.

Милый петушок оглядел весь двор — он был пуст, словно кто его хорошо подмёл, — и в третий раз взмахнул крыльями. В третий раз кукарекнул — и направился прямо ко мне.

«А ты кто такой?» — спросил он, исподлбья глядя на меня своими красными бусинами.

И вдруг как прыгнет мне на голову!

...Стыдно признаваться, но улепётывал¹ я в дом не хуже, чем мой Тупи в свою конуру.

С этого дня целых две недели никто из нас не выходил во двор без старого зонтика над головой. Катерина однажды осмелилась пренебречь этой предосторожностью, и пришлось ей целый час просидеть в прачечной. А чёрный петух — мы назвали его Разбойником — расхаживал перед

¹ Улепётывал — убегал.

дверью прачечной мёрными шагами взад и вперёд, как часовой.

Уйти, снять осаду — этого у него и в мыслях не было. Бедной Катерине пришлось в конце концов надеть на голову бельевую корзину. В этом шлеме она помчалась в кухню. Другого выхода не было!

Чтобы кто-нибудь чужой показался на нашем дворе, об этом и думать не приходилось. Все дела мы улаживали либо на улице, либо в саду — и то как можно подальше от подворья. Ведь Разбойник, стоило ему услышать незнакомый голос, вскакивал на забор. И никогда нельзя было предвидеть, на кого и когда он кинется.

Ни минуты покоя он нам не давал, Разбойник!

Я даже, по правде говоря, не очень удивлялся, что Катерина всё чаще, всё настойчивее заговаривала о бульоне с рисом. В этом бульоне, по её мнению, Разбойнику было бы самое подходящее место. Не отрицаю, мне было жалко петуха, но жить у себя дома в вечном страхе — это тоже не особенное удовольствие. Так что я уж готов был примириться с неизбежностью...

Так обстояли дела, когда пришла к нам Эдитка, дочка пана Мёжвы, сапожника, в чьём ведении находилась обувь обитателей нашего дома. Я очень любил эту маленькую Эдитку. Лицо у неё было круглое, как яблочко, на щеках — ямочки. Смешливые карие глаза. А весёлая она была, как щеглёнок!

Надо же, чтобы я заметил Эдйтку, когда она была уже на середине двора! А там Разбойник как раз вёл на водопой куриное стадо, и бедного Беляша в том числе... Плелся наш Беляш, низвергнутый куриный владыка, позади всех кур, и вид у него был смиренный и запуганный, как у самой забитой квочки...

— Эдка! Берегись петуха! — крикнул я в окно.

А сам схватил зонтик, на ходу открыл его и помчался Эдйтке на выручку.

Гляжу, Разбойник, по своему обыкновению, уже взмахнул крыльями, кукарекнул и большими шагами двинулся к девочке.

Я обмер: думаю — того и гляди, выключет ей глаз, пока я добежу.

— Эдйтка, беги! — кричу.

А она, вместо того чтобы бежать, преспокойно присела на корточки. Глядит на петуха и смеётся во всё горло. Смех у неё был звонкий-звонкий, как колокольчик, и такой заразительный, что хочешь не хочешь, а засмеёшься вместе с ней.

Смотрю, петух остановился. Поглядел на неё одним кровавым глазом, потом другим. И как закричит:

«Кукареку!»

Но в этом крике не было угрозы, скорее, удивление. Потом Разбойник закудахтал глухо, словно кто пустую бочку по мосту покати́л, и снова приглядывается к девочке.

А Эдйтка накрошила немного хлеба — в руках у неё была краюшка — и протягивает ладошку к петуху. Разбойник покосился на неё, поглядел на её протянутую руку и склонил крошку с ладони. Одну, вторую, третью...

Вид у меня был, должно быть, довольно глупый, потому что Эдйтка, взглянув на меня, расхохоталась.

— Я никаких зверей и птиц не боюсь, — говорит. — Бояться — это хуже всего. А если не бойшься, самый дикий

зверь не трóнет! Пойди́-ка сюда́, Разбо́йник, я тебе́ ещё хлебца дам, — обраща́ется она́ к петуху́, кото́рый тем вре́менем уже́ отошёл к своим ку́рам.

И что вы ска́жете?

Разбо́йник не то́лько послу́шался Эди́тки, но и позво́лил ей погла́дить себя́ по перьям.

Я сбéгал домо́й, захвати́л там горсть крупы́. Приса́живаюсь на ко́рточки во́зле Эди́тки и протя́гиваю ру́ку Разбо́йнику.

Пришло́сь подожда́ть, пока́ он наконец сми́лостивился и поклевáл крупы́. Но зато́ с это́й мину́ты у меня́ с ним устано́вились прили́чные отноше́ния. Уда́лось да́же помири́ть с Разбо́йником Кате́рину. Отны́не, само́ собо́й разу́меется, в на́шем доме прекрати́лись разгово́ры о кури́ном бульо́не с ри́сом.

Не думайте, однако, что Разбойник любил нас. Увы! Он просто позволял нам жить, терпел нас, но и только. Во дворе по-прежнему хозяйничал как хотел. Чужих не подпускал ни на шаг. Для одной только Эдки делал исключение.

Её он любил и ждал. Иногда вечерами он бывал уже таким сонным, что качался назад и вперёд, тыкался носом в землю. Но стоило ему услышать звонкий смех «Щеглёнка», он кукарекал хриплым спросонья голосом и бежал во всю прыть к калитке или даже на улицу, чтобы поскорее увидеть свою приятельницу. Я думаю, он любил и уважал её за смелость. Разбойник, что о нём ни говори, был петух рыцарского нрава и умел ценить мужество.

Вы, наверно, догадались, что в конце концов я преподнёс Разбойника Эдике. Как он вёл себя на новом месте, не знаю. Знаю только, что он время от времени удостоивал нас своими посещениями, видимо решив не оставлять нас совсем без присмотра.

Он всегда появлялся неожиданно. Кукарекал и начинал наводить порядок. Продолжалось это до тех пор, пока

не приходила за ним Эдитка. Тут он сразу затихал и покорялся. Маленькая Эдитка делала с Разбойником всё, что хотела.

Да кто, впрочем, мог бы не подчиниться девочке, у которой было такое мужественное сердце! Девочке, встречавшей опасность смехом, звонким, как серебряный колокольчик...

ДРУЗЬЯ

Знаете, бывають щенята, котóрые точь-в-точь похóжи на клубóк бéлой шéрсти. До тогó пушистые, что трóдно сказáть, где у такóго щенкá хвост, а где головá. И тóлько по трём чёрным пýтнышкам — глázкам и нóсику — мóжно узнáть, где собáчка начинаётся.

Вот и мой Тóпи был такým смешным шерстяным клубóчком. Приобрёл я егó в кáчестве чистокрóвного шпíца¹. Был он мýлый, лáсковый, слáвный пёсик и рос как на дрожжáх.

Но чем бóльше он рос, тем хóуже обстоýло дéло с егó порóдой. Признáюсь прýмо, дáже совсём хóудо! Немáло нахóдилось такých людéй, котóрые при вíде моего Тóпи выра-

¹ Ш п и ц — порóда собáк.

зительно крутили носом. Иные были так неделикатны, что прямо в глаза ему говорили, что он, Тупи, не что иное, как дворняжка. Самая обыкновенная дворняга! Надо вам сказать, что, к счастью, Тупи мало обращал внимания на такие невежливые выходы. Да и мы тоже. Разве о достоинствах человека судят по тому, что у него, скажем, два родимых пятнышка на носу или, допустим, курчавые волосы?

Подумаешь, важное дело—порода! Мы знали, что Тупи пёс благородный по натуре, что он нас любит, и этого нам было вполне достаточно.

Когда Тупи стал красивой, рослой собакой, в нём проснулась жилка зверолова. Он начал ходить на охоту. Охотился он на диких кроликов. Несчётное множество этих вредных грызунов развелось в оврагах возле Вислы. Тупи промышлял¹ их всегда в одиночку. Никогда не приглашал с собой на ловлю никого из наших псов.

Вот иду я как-то днём глубоким яром, спускающимся к Висле. Гляжу — на краю обрыва мелькает что-то очень похожее на хвост Тупи. Я свистнул. Тупи таякнул: дескать, слышу. Ко мне, однако, не идёт. Вертится колесом на одном месте и опять таякает. Явно, что-то его там держит.

Наконец я разглядел, что Тупи мой недаром так забавно вертится. Он всё время бегает вокруг кого-то, кто потихоньку спускается по скату. Жду! И вдруг вижу — это рыжая такса².

Таксе, как я мог догадываться, не так уж хотелось со мной знакомиться. Но Тупи делал всё, чтобы её уговорить: он что-то нашептывал ей на ухо — видимо, страшно меня расхваливал. Могу только радоваться, что я не слы-

¹ П р о м ы ш л я л — здесь: ловил.

² Т а к с а — порода собак.

шал этих похвал, а то мне, наверно, пришлось бы краснеть.

Наконец собаки спустились вниз. Тупи скачет, таякает, бегает вокруг таксика, а тот стал ко мне боком и косится.

«Тупи мне, правда, много хорошего о тебе рассказывал, — говорит, — но кто знает, можно ли тебе вполне доверять?»

Сказал и я таксику несколько добрых слов. Он не очень возражал, когда я попробовал его погладить. Тупи был счастлив, полизал мне руку.

«Очень был бы рад, если бы вы подружались, — говорит мне. — Это мой самый большой друг!»

Ну, мало-помалу и мы с таксиком стали друзьями. Я назвал его Дудеком.

Долго я ломал голову над тем, откуда бы он мог взятъся. Я знал всех такс в нашем городишке и даже в округе и был уверен, что Дудека я до сих пор ни разу не встречал.

А пёс был слишком выхоленный, чтобы можно было его принять за бездомного бродягу. Позднее мне пришлось убедиться, что друг-приятель моего Тупи был даже порядочно избалован. Наша собачья кухня, например, ему была не по вкусу. Он с презрением отворачивался от собачьих лакомств, которыми от души потчевал своего гостя Тупи.

Вот в один прекрасный день приехала к нам знакомая, проживавшая в нескольких километрах от нашего города, и столкнулась с Дудеком; он как раз соизволил посетить Тупи.

— Джимми! Что ты тут делаешь? — вскрикнула она.

Таксик повернулся к ней боком и покосился довольно неуверенно. Видно, такая у него была манера держаться в тех случаях, когда он считал за благо выждать, что будет дальше. Тупи был менее сдержан: он подлетел к хозяйке таксы и приласкался к ней, как к лучшему другу...

Тут только и узнал я, что мой Тупи ходит в гости в Грубно и что такса делится с ним своими котлетками, а хозяйка таксы так полюбила моего Тупи, что хотела его оставить у себя. А самое забавное — моего Тупи, который, как известно, был неудавшимся шпицем, она приняла за сибирскую лайку и назвала его Морозом! Тупи и то и другое принял с поразительным спокойствием и даже умильно вилял хвостом, когда его называли совершенно чужим именем.

С тех пор мы оба — как я, так и хозяйка таксы — не волновались, когда наши собаки пропадали. Мы были уверены: беглец либо в гостях у друга, либо на охоте.

Так продолжалось всё лето. Когда начались осенние заморозки, Джимми, очевидно, решил, что погода не особенно подходит для дальних прогулок пешком. Однако он не хотел расставаться с Тупи и поэтому стал ездить к нему в гости. Да, ездить!

Тáксик знал о том, что огорóдник из Гру́бно ежеднёвно привóзит в наш городóк на ры́нок óвощи. С нím-то он и приезжáл. Забирáлся к нему́ в телéгу и прикáтывал прямёхонько в гóрод. Тут на дворé поднимáлось вели́кое весéлье!

Иногда́ Түпи уводíл тáксу на большúю свáлку за казárмами, где происходíли оживлённые собрáния лúчшего собáчьего óбщества. И там тóлько Джímми показывáл, на что он способен. Лáял

он так пронзítельно, что дáже Лóрда-добермáна, чей гóлос слáвился во всём гóроде, — и тогó не́ было слы́шно!

Но порóй, в разгáре сáмого буйного весéлья, тáксик внезапно умолкáл и пуска́лся галóпом в стóрону ры́нка. Он бежáл во весь дух, чтóбы не опоздáть. Умный пёс хорошó знал, когда́ огорóдник бúдет возвращáться домóй.

Пришлá веснá, и вновь начался сезон охóты на крóликов. Прекратíлся дáже обмён визíтами. Цéлые дни óбе собáки проводíли вóзле крóличьих нор.

Я порóй наблюда́л за их рабóтой и дóлжен признáть, что тáкса проявля́ла необыкновенéнное терпéние. Тóлько истинный друг мог быть таким снисходítельным. Судíte сами. Мой Түпи считáл, что охóтиться — знáчит гоня́ть дичь. Гоня́ть с шумом, лáем, визгом. Как тóлько ему́ удавáлось замéтить крóлика, он очертá гóлову¹ кидáлся в погóню. И обýчно дéло кончáлось тем, что преследуемый крóлик в сáмый неожиданный момéнт шмы́гал в норú и буквáльно перед нóсом охóтника провáливался сквозь зéмлю. Түпи

¹ Очертá гóлову — не думая, безрассúдно.

страшно огорчался. Он скулил, жáлобно повизгивал, но кролика уже не было...

Джимми, наоборот, подкрадывался к кроликам потихоньку. Он умел и добывать их из нор. Шум, который поднимал Тупи, только спугивал дичь, мешал таксиду охотиться.

Но никогда не приходилось мне видеть, чтобы Джимми ворчал на Тупи или скалил на него зубы. Самое большее — он потихоньку удирал от приятеля, устраивался на другой стороне пригорка и там подстерегал кроликов, которых лай Тупи выгонял из нор.

Так эта ничем не омрачённая собачья дружба продолжалась два года.

Однажды Тупи отправился в охотничью экспедицию и не вернулся. Не было его целую ночь. Утром он примчался запыхавшийся, весь измазанный землёй, с ободранными до крови лапами. Он отчаянно скулил. Всем своим видом он показывал мне: что-то случилось! Что-то такое, с чем он сам справиться не может. Он прыгал вокруг меня и тащил меня к садовой калитке. Я понял, что должен идти с ним. Мы вышли на улицу. Тупи то забегал вперёд, то вновь возвращался, лизал мне руки, торопил.

Дошли мы с ним наконец до оврага, где водилось больше всего кроликов. Тупи остановился над свежераскопанной норой. Нюхал, копал и ежесекундно тихонько повизгивал.

Нетрудно было догадаться, что произошло. Джимми залез в нору, и его завалило землёй. Тупи не смог сам откопать друга и позвал меня на помощь.

Я сбегал домой за лопатой. Копали мы довольно долго. Наконец из-под земли послышалось сдавленное хрипенье. Тупи плакал от радости. Он всхлипывал, как человек.

Таксик уже еле дышал. Я отнёс его к ручейку, протекавшему

по дну оврага. Обмыл его. Бедный песик открыл глаза, но продолжал лежать неподвижно. Встать он не мог. Я, как умел, пытался привести его в чувство. Вдруг смотрю — мой Тупи сорвался с места и опрометью понёсся куда-то.

Поглощённый спасением таксика, я не заметил, сколько прошло времени до возвращения Тупи. А вернулся он не один — с ним на дрожках приехала из Грубно хозяйка Джимми. Видно, Тупи, не доверяя моим медицинским познаниям, решил привести её, чтобы она помогла мне спасти его друга.

Таксика увезли, и с тех пор Тупи совсем переселился в Грубно. Только когда Джимми начал поправляться, Тупи вернулся домой. Выражение морды было у него такое радостное, что всякий бы понял: друг его выздоровел!

А через несколько дней друзья явились вдвоём. Таксик был совершенно здоров.

И тут произошло нечто неожиданное.

Надо сказать, что Джимми-таксик никогда не был особенно ласковым. Правда, он обычно вежливо махал мне хвостом и позволял себя поглядить, но это было всё. А тут он забрался ко мне на колени и стал лизать мне щеку!

Тупи ошалел от радости. То прыгал вокруг меня, то лизал Джимми морду, то снова принимался лизать мне руку.

«Наконец-то всё плохое миновало! — говорил он. — И снова мы все вместе! Разве может быть большее счастье в собачьей жизни?»

Так скажите, ребята, сами: разве не всё равно, такой у собаки нос или сякой, если у неё такая душа, как у моего Тупи?

МУЦ, БЕЗНОГИИ ВОРОБЕЙ

Столовую для птиц я открывал поздней осенью. Помещалась она в стенной нише. Это было скромное заведение, с весьма неприхотливым меню: крошки, каша, иногда варёная морковь или петрушка.

Непрерывными гостями были там, понятно, воробьи. Между этими постоянными посетителями завелось у меня много знакомых. С некоторыми из них мы крепко дружили.

Но Муц был, несомненно, случайным гостем. Появился он впервые холодным, неприветливо-серым ноябрьским днём и за первое же своё посещение заплатил увечьем. Я догадываюсь, кто его так искалечил. Тот самый старей вор-воробей с выщипанным хвостом и жуликоватыми глазами, который всегда поглядывал на меня насмешливо и

свысока́. Он наха́льно хозя́йничал в моёй столо́вой. Сту́кал по́ лбу вся́кого, кто приходился ему́ не по вку́су, устраи́вал ма́ссовые побо́ища, по́сле кото́рых в во́здухе до́лго носы́лись пух и перья́, сло́вно порохово́й дым по́сле б́итвы.

Бёдный Муц был ра́нен в го́лову, одно́ крыло́ у него́ было́ надло́млено, а пра́вая нога́ висела́ то́лько на то́ненькой ни́точке ко́жи.

Вы́лечить крыло́ было́ нетру́дно, но вот нога́... О том, что́бы она́ сросла́сь, не́чего было́ и мечта́ть. Что́ было́ де́лать? Пришлось отня́ть ему́ ла́пку, а к оста́вшейся культé шёлковой ни́ткой привяза́ть спи́чку. И вот Муц стал ковы́лять на деревя́нной ноге́, посту́кивая своим протезом, как ста́рый инвали́д.

До́лгое вре́мя воробы́шек не мог летáть. В э́ту по́ру мы с ним бо́льше всего́ и подру́жились: я не расстава́лся с Му́цем. И он приви́к к моему́ о́бществу. Бывáл о́чень недово́лен, когда́ я уходил из до́му; ра́довался, когда́ я возвра́щался. А болта́л со мной не умолка́я, ибо́ был завзя́тым говорунóм¹, как, впро́чем, и все воробьи́.

Му́ца всё интересова́ло. Вся́кий но́вый предме́т он тща́тельно изучáл: осма́тривал его́ со всех сторо́н, осту́кивал клю́вом, размышля́л, вника́л. А когда́ осмо́тр конча́лся, становился́ передо мной, наклонив на́бок го́ловку, уста́вив на меня́ чёрные бу́синки сво́их глаз, и допы́тывался:

«Э́то что? Скажи́, что? Что?»

Бо́льше всего́ интересова́л его́ буди́льник. Це́лыми ча́сами верте́лся Муц по́дле него́, прислу́шивался к тика́нью механизма́, загляды́вал снизу́ в ча́шечку звонка́. Ма́ленькое зёркальце на столе́ было́ для Му́ца то́же зага́дкой. Ника́к он не мог поня́ть, что воробей́, кото́рого он ви́дит перед собо́й, всего́ то́лько его́ со́бственное отраже́ние. Неутомимо́

¹ Завзя́тый говорун — человек, постоянно́, с увлече́нием говоря́щий; здесь так насме́шливо называ́ют воробья́.

пыта́лся найт́и «того́» воробья́. То чири́кал как то́лько мог умíльно, стара́ясь угово́рить его́ в́йти из укры́тия, то серди́то покри́кивал на него́, возбу́щался, расто́пыривал крýлышки для ата́ки и клева́л зёркало. Поро́й он го́рько жа́ловался «тому́» воробью́ на своё оди́ночество. Прислу́шивался, ждал отве́та. Обма́нутый в свои́х ожида́ниях, гляде́л мне в глаза́ и гово́рил: «Одно́ мне то́лько и оста́лось, бе́дному кале́ке,— дружи́ть с тобо́й, с челове́ком. До́лжен всё же сказа́ть, что твой посту́пки мне не о́чень поня́тны».

И ве́рно, Му́цек ника́к не мог поня́ть, почему́ челове́к спит, когда́ со́лнышко уже́ вста́ло и ка́ждый воробе́й просыпа́ется и начина́ет трудо́вой день. Едва́ лишь света́ло, Муц из кле́тки, куда́ я его́ сажал на́ ночь, крича́л мне, что порá уже́ встава́ть. Чири́кал ко́ротко, звонко — раз, два, три— и замолка́л. Прислу́шивался. Потóм повто́рял свой зов — всё го́ромче, всё насто́йчивее. В конце́ концо́в я встава́л и подходи́л к кле́тке. Муц уже́ ждал во́зле две́рки. Маха́л крýльями лику́я. Тут же вска́кивал в ми́ску, начина́лось купа́нье. Потóм он чи́стился и охора́шивался в ожида́нии, когда́ в столо́вой зазвеня́т тарелки. Как то́лько он слы́шал, что накрыва́ют на стол, лета́л туда́ немедле́нно, сра́зу уса́живался во́зле своего́ блю́дечка и терпе́ливо ждал моего́ прихода́. Бесе́дуя о том о се́м, мы за́втракали. Муц ел всё. Обожа́л мя́со, о́собо́нно варе́ное. Не терпе́л то́лько горчи́цы, пе́рца и вся́ких со́усов. Вздо́рагивал при ви́де со́ли, кото́рую превосхо́дно уме́л отлича́ть от са́хара.

Когда́ смерка́лось, Муц начина́л беспоко́иться: он не любя́л ламп. Ника́к он не мог поня́ть, почему́ челове́к не

спит, когда солнце уже зашло. Усевшись подальше от света, нетерпеливо чирикал и старался убедить меня, что от ночных занятий пользы мало. Наконец сам летел к своей клетке. Устраивался там и дремал. Но время от времени он просыпался и сонно, вполголоса выговаривал мне:

«Ещё не спишь? Пора спать! Спи!»

Так прошла у нас зима. Когда запахло весной, Муц оживился: он чистился, охорашивался, что-то напевал. Начал собирать нитки, лоскутки, тряпочки. Складывал все эти сокровища в своей клетке, всё время что-то приговаривая. Я понял, что мой Муц — не «он», а «она» и что она мечтает о собственном гнезде, о семье.

Как-то мартовским днём Муц, никому ничего не доложив, вылетела через открытую форточку на волю. Легко было догадаться зачём. На липе, что росла в углу сада, уже начались оживлённые воробьиные совещания, игрались свадьбы, заканчивалось распределение квартир для молодожёнов. Я побаивался, не помешает ли счастьем Муц её увечье. Прошёл день, прошёл другой. Муц вернулась.

Съела всё, что нашлось, забрала свой лоскутки и улетела.

Вскоре я заметил, что у Муц есть муж, что молодожёны построили себе гнездо в абажуре на веранде и что они счастливы. Хотя я не могу сказать, чтобы лично мне муж Муц понравился. Был это, правда, рослый, красивый воробей, но дикий, трусоватый и полный недоверия ко мне. Ко мне, который безропотно согласился на протяжении

нёскольких длинных, жарких недель даже не заглядывать на веранду, чтобы ничём не омрачить счастье Муц!

Зато Муц была добра и мила за двоих. Когда только могла отлучиться от гнезда, прилетала ко мне, быстро съедала то, что я ей подавал, не переставая щебетать о своём счастье, и возвращалась к детям. Однако ещё лучше почувствовали себя мы с ней, когда этот грубиян, её муж, улетел от неё, сбежал. Вместе с ней мы радовались щёбету четырёх малышей, которые становились всё крепче, но — что правда, то правда — и всё прожорливее. Пришлось мне самому заменять им бессердечного папашу. Я поднял на ноги всех знакомых сорванцов в городе. Скупал у них живых мух, дождевых червей. Ну, худо ли, хорошо ли, а воспитали мы с Муц из её детёшек дельных воробьёв.

Не обошлось, однако, и без несчастья. Когда Муц учила своих малышей летать, она каким-то образом сломала свою деревянную ногу. Пришлось заменить спичку, как слишком хрупкую, приличным протезом из тонкой проволоки. С такой искусственной ногой можно было без опаски садиться на любую ветку. Хорошая получилась проволочная нога, скажу без хвастовства!

Так спокойно текли наши дни, пока не созрели хлеба. Очевидно, в воробьином мире не полагается сидеть в эту пору дома, хоть бы этот дом и был таким гостеприимным, как мой. Муц с детьми полетела в поле подбирать зёрна. Гнездо опустело, и с липы, с ясеней уже не доносилось к нам знакомого чирикания. Прекратилось похищение сахара, кусочков булки в часы завтрака и обеда (молодые Муценята были прожорливы и считали — справедливо, впрочем, — что всё в моём доме принадлежит им). Настала, как при всякой разлуке, тишина. Та тишина, которая рождает грусть.

Муц ещё несколько раз возвращалась домой. Залетала в комнату, всё оглядывала. Потом садилась подле меня и спрашивала, что нового. Вопросы её были коротки, отры-

висты, а смотрела она мне в глаза как-то тоже совсем по-другому, чем прежде. Она была теперь сильна и уверена в себе. Видимо, искусственная нога служила ей прекрасно.

К концу лета визиты Муц становились всё реже, всё короче. Потом вообще прекратились. Муц пошла в жизни своей собственной дорогой. Пусть же ей живётся как можно лучше!

Вот если вы когда-нибудь встретите воробья с проволочной ногой, передайте ему привёт от меня. Это, наверно, моя Муц!

УНИВЕРСИТЕТ НА ЯСЕНЕ

Перед нашим домом был палисадник. Справа, как войдешь с улицы, росла больша́я, развѣсистая липа. Кольцо́м вокруг неѐ стояли стол и скамейки. Там мы лѣтом по́лдничили. Но е́сли случа́йно чаепи́тие затя́гивалось до захо́да со́лнца, на́до бы́ло, хо́чешь не хо́чешь, убира́ться из-под ли́пы. Почему́? Потому́ что на э́той ли́пе ночева́ли воробьи́. Ту́чи воробье́в. Це́лые воробьи́ные наро́ды! Все́ дере́во — от верху́шки до са́мых ни́жних ве́ток — бы́ло осы́пано ими́. И перед сном о́ни так шу́мно о че́м-то совеща́лись, что мы, лю́ди, разгова́ривать ника́к не могли́.

Эти воробьи́ные сбори́ща разогна́ли с ли́пы всех остальных птиц. Не по́мню слúчая, чтобы ка́кой-нибудь перна́тый смельча́к рискну́л задержа́ться на э́той облюбо́ванной во-

воробьями липе. А уж о том, чтобы построить там гнездо, и речи быть не могло! Лишь ворона, пролетая, присаживалась порой на верхушку липы — отдохнуть в пути. Но, едва успев оглядеться, с отвращением каркала и улетала.

Зато на ясенях — на тех, которые росли возле террасы, — весной бывало полным-полно перелётных гостей. Они оставались там даже на ночь. Вероятно, потому, что им там никто не мешал: воробьи почему-то не любили этих ясеней и никогда там собраний не устраивали.

И совершенно напрасно. На презираемых воробьями ясенях можно было ночевать, не опасаясь никаких разбойников. На стволе каждого ясеня красовалось широкое жестяное кольцо. Для чего? Для того, чтобы нашей кошке Имке или какому-нибудь из её милых дружков не пришлось в голову залезть на дерево. Ну и, понятно, поохотиться там на наших гостей. С гладкой и твёрдой жёсти соскользнёт всякий коготь, даже самый острый. О том, чтобы влезть на дерево, нечего и мечтать. Можно только снизу с аппетитом поглядывать на засыпающих пташек и облизываться. А это никому не вредит. Пожалуйста, сделайте одолжение!

На этих-то безопасных ясенях помещались скворечники. Три штуки. По одному на каждом дереве. Почему каждое лето из трёх птичьих домиков два пустовали, а только один был заселён, — этого я никогда не мог понять.

Зимой в эти скворечники обязательно вселялись воробьишки. Тут они квартировали до весны.

Прилетали скворцы. И та пара скворцов, которая намеревалась у нас поселиться, начинала с того, что выселяла из домиков непрощённых жильцов. Причём не из одного, а обязательно из всех трёх. Ну, был тут, понятно, шум, писк, крик. Воробьи не так-то легко уступали!

Но наконец всё утихало. Из двух скворечников свешивались наружу прядки побуревшего сена, натасканного туда за зиму воробьями. Эти-то клочки и были вернейшим признаком того, что скворцов в этих скворечниках нет. Почему? Да потому, что скворцы большие чистюли и ни за

что не потерпели бы такого беспорядка у себя в детской, не говоря уже о гостиной или спальне.

И потому, кстати сказать, советую вам: никогда не садитесь под деревом, на котором висит скворечник. Спросите: отчего? Оттого, что пани Скворчинская не поль-

зуется пелёнками для своих младенцев. Но так как она очень заботится о том, чтобы её детишки были всегда в чистоте и в доме было хорошо прибрано, она всё время наводит порядок: всё ненужное, грязное выкидывает за дверь. А ведь трудно требовать от захопотавшейся птичьей мамы, чтобы она следила, куда упадёт то, что ей нужно выбросить из гнезда, не так ли?

Птичье детство проходит быстро. Скворчата растут не по дням, а по часам. И наступает наконец такой день, когда молодёжи порá выходить из тихого домика на вольный простор большого мира.

Первый скворчий шаг в жизнь всегда совершался одинаково. Тут же, возле самого скворечника, росла большая ветка, росла почти совсем горизонтально. Папа-скво-

рец выскáкивал на эту ветку. Он ходил по ней взад и вперёд, потом начинал топтаться на месте, всё время что-то приговаривая. А в круглом отверстии скворечника показывалась то одна, то другая головка с клювом, обрамлённым жёлтой каймой, — неоспоримый признак нежного возраста его владельца. Потом мальцы-скворцы по очереди выхо-

дѣли нару́жу и усáживались на пáлочке, укреплѣнной у входа. Па́па-скворецъ что́-то объясня́л им, доказы́вал, убежда́л. И наконецъ пѣрвый, са́мый отва́жный скворушка с отча́янным пѣском, трепыха́я крылышками, спры́гивал на вѣтку.

Ему́, по всей вероятности, было страшно́вато. Иначе — зачѣм бы писк и трепыха́нье?

Но зато́ ско́лько но́вого, неведомого, интересного открыва́лось взгля́ду с э́той вѣтки! И э́то было то́лько нача́лом. Ведь па́па-скворецъ вско́ре переска́кивал с э́той вѣтки на друго́ю, с друго́й — на тре́тью, и птенцы́ сле́довали за ним до са́мой верху́шки я́сеня!

Тѣсная, ду́шная ко́мнатка в скворечни́ке и огро́мный, све́тлый мир, кото́рым любу́ешься с верши́ны я́сеня, — ка́кое тут мо́жет быть сравне́ние!

Не приходи́тся, знач́ит, удивля́ться тому́, что скворушки порядко́м шумѣли. Они́ пища́ли, крича́ли от ра́дости. Голоси́ли до хрипоты́!

Что ж, како́й с них спрос! Быва́ют ведь да́же и ребята, кото́рые умудря́ются охри́пнуть в пѣрвый тёплый весѣнный день, когда́ мо́жно вволю́ набѣгаться по са́ду. По край́ней ме́ре, могу́ назва́ть некую́ деви́цу по и́мени Крѣся. О други́х не упомина́ю. Ду́маю, и вы без труда́ найдѣте такихъ «хрипуно́в» среди́ ва́ших знако́мых.

По́сле того́ как пѣрвый шаг в жизнь соверша́лся, начина́лись заня́тия са́мым ва́жным предме́том — нау́кой полѣта. Внача́ле скворча́та обуча́лись на родно́м я́сене, пере-

пáрхивая с вѣтки на вѣтку. Затѣм пáпа-скворецъ назначáл своимъ ученикáм бóлее трóдные задáния. Наконѣц стáвилась задáча — перелетѣть на крышу нáшего дóма. Тудá переносились и занятія. Всѣ семейство скворцовъ усáживалось рядкóм. Отѣц чтó-то растолкóвывал молодѣжи, объясня́л, показывал на примѣре, а порóй и стúкал клювом ка́кого-нибудь озорникá, котóрый, вмѣсто тогó чтóбы внимáтельно слúшать и всѣ выполнять как полага́ется, глазѣл по сторона́м, пропуска́я мимо ушей слова́ старика́ отцá. И в результате взмáхивал крылóм пóзже, чем слѣдовало!

Чѣрез недѣлю. . . О, позанимáвшись недѣлю, скворчáта летáли ужѣ так хорошó, что нам приходило́сь срóчно привязывать полотня́ные лѣнточки и прóчие пýгала на пóздних ви́шнях в садú, иначе прилѣжные ученикí не оста́вили бы нам ни едíной ви́шенки.

Так шло из гóда в год.

Наблюдáя за скворцáми, я был увѣрен, что старики́ учат своихъ детѣй тóлько летáть. Ну, мóжет быть, ещѣ какíм-нибудь птíчьим нау́кам, котóрые им, скворцáм, нужны́, но о котóрых я, человекъ, не имѣю представлѣния.

Но вот однáжды — был это прекра́сный знóйный день в разгáре лѣта — слышу: кто-то щёлкает, тóчь-в-тóчь как соловѣй.

«Почúдилось», — дúмаю.

Извѣстно ведь — дáже и послóвица такáя есть: «Придѣт свято́й Вит — соловѣйка замолчít». Иными слова́ми, в началѣ ию́ня соловѣй перестаѣт петь. Да и вообще соловѣй поѣт тóлько нóчью.

А тут на дворѣ бѣлый день и ию́нь давнó миновáл!

«Нет, не мóжет быть, — дúмаю, — мне померѣчилось».

На всякий слúчай всё же прислу́шиваюсь. И снóва слышу трѣли. Ктó-то поѣт — мóжет, и не совсѣм как соловѣй, но, во всяком слúчае, óчень похо́же.

Осмáтриваюсь. Никакóго соловья́ не вíдно, тóлько на знакóмой большóй вѣтке перед скворѣчником сидя́т ря́дыш-

ком скворчата, а на другой, прямо напротив них, — старый скворец.

Батюшки мой, да ведь это он выводит соловьиные трели! А малыши подражают ему как умеют.

Я был изумлен и восхищен. Я понял: на этот раз передо мной не какой-нибудь там скворчинный детский сад, где малышам учат прилично вести себя и утирать нос платком. Это была школа, самая настоящая школа! Ведь старый скворец обучал своих детей иностранному языку. Точь-в-точь как вас, наверно, учат немецкому или, скажем, французскому. Он их учил «соловьиному». А когда кончилось обучение соловьиному языку, начались разговоры на языке йволги, дроздов...

Тут-то я впервые понял, почему у нас об остроумном человеке говорят, что его «скворцами кормили». Скворец, мой дорогой, это вам не кто-нибудь, а скворец! Самая умная птица на свете! Ну, какой другой птице придет в го-

лову обучать своих птенцов иностранным языкам, скажите?

Помню, пошел я как-то в рощицу. Вдруг слышу — кто-то насвистывает хорошо знакомую мне песенку. У моей Крисы была пластинка с этой песенкой, и она крутила её до бесчувствия. Кругом — никого. Поглядел вверх — вижу, сидит на ветке скворушка и знает себе насвистывает знакомую мелодию. Только не до конца, правда: обрывает где-то середине, а потом опять повторяет сначала.

Тут уж я мог быть уверен, что это один из тех скворцов, кто получил образование в школе на моем ясене. В скворушкиной школе!

И, признаться вам по секрету, я очень горжусь, что у меня на ясене самый настоящий птичий университет.

РЕКСЯ И ПУЦЕК

(Повесть о щенячьих проказах)

I

Начнём с начала, ладно?

Есть на свете люди, которые любят собак. Держат собаку, даже двух. Редко у кого бывает больше, верно ведь? Такие люди — это обычные любители собак.

А у меня в доме, должен вам признаться, сущий собачий приют. Гостиница. Целый собачий город.

Стоит мне увидеть где-нибудь под забором щенка, стоит мне разок заглянуть в его мутные глазёнки, стоит ему разок махнуть хвостом... и сразу мне начинает казаться, что я не могу жить без этой псины. Именно без этой!

Что ж тут будешь делать?

Беру я такого найдёныша на руки, несую его, словно бог весть какое сокровище, к себе и пускаю во двор. Вот он и мой.

О людях пишут часто, а я решил писать о собаках. Люблю я их очень. Да и знаю их уж, во всяком случае, не хуже, чем людей.

Так вот и послушайте историю из жизни двух щенят. Если вам будет интересно, прошу об одном: полюбите тех, о ком будете читать. Я и все мои четвероногие питомцы будем вас вспоминать с благодарностью..

Начинаю.

II

Видите, как плутовато он скосил глаза?

Это он надо мной смеётся.

Почему?

А было так. Как-то появляется у меня некая тётка. Вижу, под шалью у неё что-то спрятано.

— Купите таксу! — предлагает она мне.

— Таксу? Настоящую? — спрашиваю.

— Алмаз чистой воды! — с восторгом уверяет тётка и достаёт из-под шали щеночка. Пятнистого.

Меня это немного удивило: отродясь не видел таксы с пятнами. Но, с другой стороны, смотрю — ноги у щенка восьмёркой, уши как лопухи, а сам он такой длинный, что прямо диву даёшься. Непонятно, почему у него не выросла посередке ещё одна пара ног — поддерживать брюшко. А так его розовое пузичко пол подметает.

Ступил щенок шаг, другой вперёд, потом попятился, сел и смотрит на меня своими голубыми пуговками. Потом зевнул — да как сладко, от всей души! Поднялся, подошёл ко мне и давай карабкаться на колени. А глаз всё с меня не сводит. Протянул я ему руку. Он лизнул.

— Верный будет пёс, ласковый, — говорит тётка.

Но, видно, десны у него сильно чесались — тяпнул он меня за палец довольно здорово. Я даже зашипел от боли.

Тётка и тут не растерялась:

— Злой пёс! Хороший сторож будет! Одним словом, настоящая такса! И ласковая и злая! А умная — как человек! Берёте?

— Ох, дорогая моя, — говорю, — у меня их и так хватает! Стану я ещё покупать. . .

— Таксу? Настоящую таксу не хотите купить?! — возмущённо спрашивает тётка.

Я поморщился. А тётка как схватит щенка, как начнёт его вертеть на все стороны! То лапы его мне в глаза тычет, то хвост, то морду, то ушами его перед моим носом машет. . . А уж хвалит, а уж расхваливает! Послушать её — у самого короля лучшей собаки не бывало.

Наконец спрашивает она меня:

— Да была ли у вас когда настоящая такса?

— Не было, — признаюсь я смущённо.

— Так вы должны купить. Берите — и дело с концом. Оставляю вам собаку. За деньгами потом приду.

И ушла.

Тут уж ничего не попишешь! Подхватил я щенка, таксу эту самую, и понёс во двор.

Нашлась у меня корзинка, где когда-то жили щенята. Положил я туда соломы, постелил тряпок помягче, положил своё новое приобретение и хотел идти.

Куда там, и думать не смей!

Щенок мой вóет не своим голосом. Но как только вернусь — сразу затихает.

«Ишь ты, — думаю, — что значит породистый пёс! С капризами! Всё как полагается».

Взял я корзинку, отнёс в кухню. А по дороге решил, что такому необыкновенному щенку и имя надо дать не обыкновенное.

«Не будешь ведь такого принца звать Дружком или Шариком. Назову-ка я его Рексом — по латыни это значит «король».

Рекс мой, очутившись на кухне, и не подумал успокоиться. Он, правда, всё обнюхал — заглянул во все углы, даже залез под шкаф (откуда я его вытащил с большим трудом) и, казалось, уже освоился; но едва я попробовал оставить его в одиночестве — снова начался концерт!

Решил я не сдаваться. Ты так — и я так! Ушел и дверь захлопнул.

Щенок скулил, визжал, плакал... Наконец заснул. Проспал до самого вечера.

Но зато что было ночью! Вопил он так, что мне пришлось-таки забрать его в комнату.

Я думал, он хоть теперь даст мне уснуть. Но не тут-то было! Отоспавшемуся Рексу захотелось поиграть, и он полночи прыгал, трепал мои туфли, терзал диван и угомонился только, когда с разбегу треснулся мордашкой об ножку стола. Видимо, тут он счел дальнейшие экскурсии по темной комнате безопасными.

С тех пор этот проказник окончательно забрал меня в лапы. Никогда у меня такой озорной собаки не было! Что правда, то правда: я сам был виноват в том, что он так распустился. А распустился он, как говорится, как дедов кнут! Всё я ему прощал, всё позволял!

Рексик мой ни на минуту не терял хорошего настроения; на аппетит ему тоже было бы грешно жаловаться.

На остальных наших собак он смотрел свысока. Первым лез к миске, вырывал изо рта у них самые вкусные куски, к своей корзинке никому не позволял подходить — словом, вел себя так, будто был самым главным во всем собачьем семействе.

«Я, мол, такса — и дело с концом! А вы — шантрапа!»¹

¹ Шантрапа — здесь: пройдохы, сброд.

Ну и, понятно, не раз ему за это доставалось от товарищей. Каждый раз он с воплями прибежал ко мне жаловаться. Но неужто я стану вме-

шиваться в собачьи ссоры. Ещё чего не хватало! Попало зазнайке — значит, поделом!

И Рекс, видимо, пришёл к убеждению, что лучше всего ни с кем не водиться. Обычно он лежал на пороге и глазёл на улицу.

III

Однажды влетает мой Рексик в комнату в ужасном волнении. Носится вокруг меня, тявкает, прямо стелется по полу.

— Чего тебе, Рексенька? — спрашиваю.

А он всё вертится вокруг меня: то выбежит из комнаты, то вернётся, то опять выбежит.

— Пойти с тобой, что ли? — спрашиваю его и делаю несколько шагов к выходу.

Рексик совсем распластался на полу. Потом выскочил на секунду на улицу, опять вернулся. Остановился на пороге, весь дрожит от нетерпения и глаз с меня не сводит.

«Ну, скорей, скорей!» — тявкает.

Я вышел. Рекс кинулся в кусты. Слышу, кто-то пищит, скулит. Прислушиваюсь. Как будто два голоса. Жду. Через минуту из-под куста сирени вылезает Рекс, а за ним выкатывается какой-то пёстрый шарик. Рексик его подгоняет, уговаривает.

«Иди, иди, не бойся, — говорит, — тут люди хорошие, никто тебя не обидит!» — и смотрит то на меня, то на перепуганного пёстрого щенка.

Потом остановился на пороге, завиллял хвостиком и устоялся на меня с таким умильным выражением, какого я ещё никогда не видел.

«Это мой новый друг, — говорит. — Я пригласил его к себе в гости. Мы его хорошо примем, правда?»

Я не возражал. И Рекс вскоре уговорил своего пугливого приятеля войти в сени. Там он больно укусил его за ухо, когда тот попытлся от моей протянутой руки.

«Надо быть вежливым! Не срами меня! — рычал он сердито. — Хозяина нужно уважать! Вот как делают воспитанные собаки!» — ворчал Рекс. Он лизнул мне руку и весело запрыгал.

Пришлось и мне показать своё гостеприимство. Ведь, что ни говори, друзья наших друзей — наши друзья! Пригласил я приятеля Рексика «на блюдечко молока». У самого Рекса слюнки текли, но, надо ему отдать справедливость,

он не притронулся к молоку. Зато друг его вылизал всё до-чиста — хоть не мой блюдечко.

Друзья отправились во двор. Рёксик водил гостя по самым интересным местам. Показал ему лохань с помоями. Сводил и к мусорной яме. Даже взобрался на приступку хлёва, уговаривая навестить свинку, у которой в корыте попадались кое-какие вкусные вещи.

В общем, гость остался у нас навсегда.

Кто-то невзначай назвал его Пүцекком. Так и мы стали его звать.

Не приходилось мне видеть такой дружбы, как между Пүцекком и Рёксом: они не расставались ни на минуту.

Пүцек поселился на дворе; вскоре переселился туда и его неразлучный Рёкся. Он уже не лежал на пороге, не глазил на улицу.

Не могу не признаться: Рёкся был хорошим, верным другом, и я простил ему за это даже то, что он оказался не совсем настоящей таксой. Не так уж это важно — была бы душа настоящая.

IV

Спустя несколько дней после появления Пүцека привезли к нам во двор ящик. То был не обычный ящик: вместо крышки была у него решётка из деревянных прутьев. Да и груз в этом ящике был не простой.

Груз орал во всё горло. Просовывал между прутьями жёлтенькие головки и беспомощно мотал ими. Груз, широко открывая красные клювики, жавался на своё заточение.

Дома, как на грех, никогó

не было. За исключением, разумеется, собак. Старые собаки издали покосились на утят, отчаянно пытавшихся вырваться на волю, и отвернулись. Не хотели связываться с этой крикливой публикой.

Зато Рекся и Пучек приняли невзгоды утят близко к сердцу. Оба уселись перед ящиком — и в рев. Особенно Пучек, который был от природы ужасным плаксою: по любому поводу хныкал!

Рексик говорит ему сквозь слёзы:

«Брат! Неужели мы позволим мучить таких славных птичек?»

«Не позволим!» — стонет Пучек.

«А что же мы сделаем?» — спрашивает Рекся.

«Не зна-а-а-ю!» — захлёбывается в отчаянии Пучек и даже голову запрокидывает на спину.

«Что, если бы нам поломать прутья?» — предлагает Рексик.

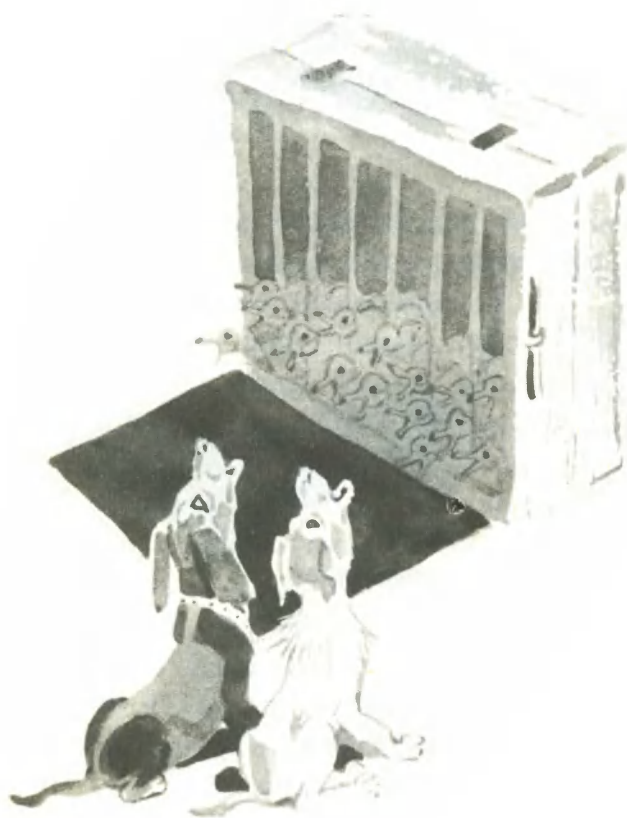
«Полома-а-ать! Да как их полома-а-ешь?» — ноет Пучек.

«Зубами!» — рычит Рекс.

«Ну, ломай!»

«Ломай сам!»

Пучек вцепился в прутья зубами. Трах, трах! Одного уже нет! Тресь! Вот и второй прут готов. Утята вырываются на волю. Пучек этого не видит, зато Рекся всё замечает. Он перестаёт плакать, и один глаз у него даже смеётся. Ещё бы! Эти жёлтые пушки так

смешно двíгаются! Забáвно семенят лапками, вёртятся, как шáрики. О-го-го, один уже растопырил крылышки и собираётся удрать.

«Держи́, лови́! — кричи́т Рэкса, кото́рый не мо́жет споко́йно ви́деть ниче́го двíжущегося. — Пу́цек, заходи́ сбо́ку!»

Он, как бо́мба, вре́зался в са́мую гу́щу утя́т.

«Кря, кря, кря! Разбо́й, карау́л! Спасáйся кто мо́жет!» — заголоси́ли утя́та.

И поско́льку крылышки у них бы́ли уже́ дово́льно кре́пкие, утя́та оторва́лись от земли́ и, подска́кивая, как золоти́стые мя́чики, кину́лись врассыпну́ю.

Большинство́ утя́т бро́силось, есте́ственно, ту́да, отку́да доно́сился к ним го́лос почтённой, ста́рой у́тки, как раз и предназна́чавшейся в наста́вницы всем э́тим прие́зжим ути́ным ба́рышням.

Ще́нята — за ни́ми. Увлече́нные погоне́й, они́ оглянúть-ся не успе́ли, как оказа́лись на террито́рии пти́чьего двора́, в кура́тнике.

Кура́тник! Беда́ соба́ке, в особе́нности ма́ленькой соба́чонке, кото́рая осме́лится показáться в кури́ном ца́рстве!

Умные, ста́рые псы́ ту́да никогда́ и не загля́дывали. К чему́? Ра́зве прили́чная соба́ка ста́нет есть ячме́нь или про́со?

И то́лько малолётные ще́нята, кото́рым ну́жно всю́ду сова́ть нос, ску́ки ра́ди ино́гда забира́лись в запре́тные преде́лы.

Ра́за два был там и Рэксик. Не найдя́ ниче́го, что сто́ило бы положи́ть на зуб, взял и вы́пил у кур всю́ во́ду. Мо́жно подума́ть, что на дворе́ не́ было во́ды. Да ско́лько угóдно!

Но такава уж щенячья натура: чужо́е, за́претное всегда́ сла́ще!

Реке получи́л тогда́ основате́льный нагоня́й от ста́рой насе́дки Лысу́хи, кото́рая, как говори́тся, нико́му не позво́ляла дуть себе́ в ка́шу¹.

И вот сейча́с, оказа́вшись в кура́тнике, Ре́ксик снова́ уви́дел Лысу́ху, на кото́рую точи́л зу́бы с тех са́мых пор.

Об утя́тах, попрята́вшихся по угла́м, оба щенка́ уже́ позабы́ли.

«Эй, Пу́цек, — говори́т Ре́кся, — ви́дишь вон то обле́з-
лое помело́?»

«Ви́жу. А что?»

¹ Нико́му не позво́ляла дуть себе́ в ка́шу. — По́ль-
ская погово́рка. Соотве́тствует ру́сскому выраже́нию: не дава́ла себя́
в оби́ду, не позво́ляла себя́ оби́деть, уме́ла за себя́ постоя́ть.

«Нравится, а?»

«Гадость!»

«А знаешь, что она про тебя говорит?»

«Интересно!»

«Будто ты её боишься».

«Пусть лучше меня не задевает!» — напыжился Пущек.

«На весь двор тебя позорит. Не веришь — спроси у Чапы!»

«Я ей покажу!» — рывкнул Пущек и кинулся на Лысую.

Наседка — бежать.

«Что, что, что? Как, как, как? Кйцек, Кйцек!»

Кйцек — белый петух — в это время важно, словно князь, разгуливал по курятнику. Скребнёт ногой раз, скребнёт другой. . . Тут зёрнышко, там червячок!

Шума и гама Кйцек терпеть не мог. Он покосился в ту сторону, откуда неслись Лысухины вопли, и спросил:

«Кто это там раскудахтался? Что такое? Что такое?»

И тут он увидел щенят. Он сразу всё понял.

«Ах, опять этот щенок? Как он посмел? Вот я его!» — сердито закричал петух. От злости у него даже гребешок налился кровью.

«Эй, Чернуха! — позвал он большую чёрную курицу, которая спокойно рылась в песке. — Чернуха, иди сюда!»

Старый хитрец Кйцек любил действовать исподтишка, из засады. Вместе с Чернухой он спрятался за выступом стены и стал ждать.

Первым пробежал мимо засады Рёксик.

«Налетать?» — спрашивает Чернуха.

«Этот уже учёный. Подожди».

Следом за Рёксей мчался Пущек. И едва он оказался в поле зрения, как петух заорал во всё горло:

«Бей его! Наподдай, чтоб помнил нас!» — и коршуном упал прямо на голову Пущеку, подмял и оглушил его.

А Чернуха вскочила щенку на спину.

«Клюй, клюй! — кричал Кйцек. — Белянка, давай сюда! Берй его в клещи!»

Бёдный Пўцек растянулся на землё. Как град сыпались на него удары клювов. Вся шерсть на нём встала дыбом от страха. А глаз — тот, который он ещё мог открыть, — прямо-таки вылезал на лоб.

«Ай-ай-яй-яй! — жалобно скулил он. — Бóльше не бۇду! Никогдá не бۇду!»

Рекс кйнулся на вйручку.

Он хотёл, óчень хотёл спасти друга! Схватйл дáже Кйцека за хвост, у Чернўхи вйрвал нёсколько пёрьев. Но, увй, неприятель был сильнёе! Мўжественный Рёкся получил здоровённый удар в нос. Чёрез мину́ту из ўха у него закапала кровь. . .

И под давлёнием превосходящих сил протйвника Рёкся оставил пóле бóя. Правда, он отошёл всего на нёсколько шагов и оттўда ругал кур последними словами.

«Хам Кйцек, Кйцек — хам! Чернўха — грязнўха! Белянка — хулиганка!»

Увы, куры не обращали ни малейшего внимания, не принимали вызова.

Они клевали и клевали — безжалостно и безостановочно.

Наконец Кіцек устал и крикнул:

«Хватит с него! Бегі, лопухий!»

Пүцек, визжа, вылез на волю.

«Попало?» — спрашивает Рёксик.

«Да-а, я бы им показал, если бы нога не подвернулась! — отвечает Пүцек и припадает на ногу, которая, надо сказать, болела у него уж во всяком случае не больше, чем голова и бока. — Погодите, я вам ещё дам! — залаял он на кур и поскреб землю задними ногами. — Ха-мы!» — твкнул он напоследок и пошёл прочь.

V

Друзья решили, что на дворе им больше делать нечего. Тем более, что возле утино-го ящика появилась уже Катерина. Она заметила на мордочке Рёкса жёлтые пушинки, попавшие туда, ну конечно же, чисто случайно, и решительными шагами направилась в его сторону. А в руке у неё был один из прутьев, выломанных Пүцеком.

«Бегі в сад!» — успел крикнуть другу Рёкс и ползком протиснулся между кольями садовой ограды.

«Ай-ай!» — взвизгнул Пүцек. Прут довольно чувствительно прошёлся по его спине. Затем и он пролез под изгородью в сад.

«Что, больно?» — спросил Рёкс.

«Ой, как больно!» — захныкал Пүцек.

«Ты всегда скулишь! — огрызнулся Рёкс. — Не знаю даже, брать тебя с собой или нет!»

«Куда? — спросил Пүцек, мгновенно переставая хныкать. —

Ты думаешь, я с ней не слáжу? Огó! Ещё как! Бúдет она меня помнит!» — хорохóрился он.

Рекс, ничегó не отвечáя на эту похвальбú, пустился рысцóй по садовой дорожке, мéжду кустáми сморóдины и крыжóвника. Пúцек побежáл за ним.

Со двора доносился крик Катерíны:

— Не собáки, а бóжье наказáние! Утáт распугáли! Ути, úти, уть-уть-úть! Ну, погодíte, бессóвестные твáри, я ещё с вáми разделáюсь!

«Бессóвестные твáри» слышали эти угрóзы, но не óчень волновáлись: онí бы́ли ужé за íзгородью!

«Пойдём пока́жем ей, что мы её не бо́имся, — предложíl Рéкся.— Айдá, подрáзним её! Пусть позлíteя!»

И óба щенкá сверну́ли на дорожку, котóрая шла вдоль íзгороди. Увёренные, что онí находятcя в пóлной безопáсности, бессты́дники дёрзко смеялись прýмо в лицó рассёрженной Катерíне.

Но у Катерины было под руками ведро, и она окатила щенят водою.

«Ай-ай!» — взвизгнул на этот раз уже Рёксик, которому досталось больше. Он поспешил скромно убраться в кусты.

«Что, испугался?» — поддразнил его Пúцек.

«Это я-то? Её-то? Скажешь тоже! — гордо отвечал Рекс. — Ведьма старая!» — залаял он на Катерину, поднимая тучи песку задними ногами. Но хотя он прямо кипел от злости, держался он, не будем скрывать, на почтительном расстоянии от ограда и удалился, пожалуй, быстрее, чем следовало.

Верный Пúцек нёсся за ним.

Друзья обежали весь сад. Заглянули во все уголки, исследовали каждый куст, обнюхали все следы, которые только могли найти на дорожках, на траве. Пúцек набрёл на старую кротовую норку.

«Кто тут живёт?» — спрашивает он Рёкса.

Рекс, разумеется, и сам не знал, кто тут живёт. Он отродясь не видел живого крота.

Но разве мог он спастись перед Пúцеком? Разве мог признаться, что какая-то дыра в земле скрывает тайну, неизвестную ему, Рёксу?!

«Никогда не думал, что ты такой олух, — важно ответил он. — Ты что, правда не знаешь, кто тут живёт?»

«Не знаю, — честно признаётся Пúцек. — А ты знаешь?»

«Знаю».

«Так скажи».

«Стану я ещё всякому рассказывать! — фыркнул Рёксик. — Копай — сам узнаешь!»

Пúцек с жаром принялся за дело. Он выворачивал лапами огромные комья, поднимал тучи песку. Вскоре запорошил себе глаза, набрал полный нос пыли. Время от времени ему приходилось отфыркиваться. Он порядком запыхался, но зато выкопал такую яму, что мог всунуть туда всю голову.

«Ну как? Есть?» — спрашивает Рекс.

Пўцек сўнул нос в яму, потянул вўздух раз, другой, фўркнул, ещё раз понўхал...

«Мышь не мышь, — говорит. — Чўю что-то, а что — не поймў!..»

«Дай-ка я!» — проворчал Рёксик и оттолкнул Пўцека от норы.

Сўнул туда мўрду, потом обошёл вокруг ямы, ещё раз понўхал, посопёл и говорит:

«Не умёешь копать!»

«Пожалуйста, копай сам!» — бўркнул Пўцек, который уже ног под собой не чўял от усталости.

«Понятно, бўду копать!» — проворчал Рекс и заработал лапами с быстротой машины.

Пўцек сидёл возле норы и дожидался.

«Сейчас, сейчас, — хриплым голосом приговаривал Рёксик. В горле у него было уже полно пыли. — Вот, вот сейчас! Уже слышу его! Ты слышишь?»

Пўцек насторожил уши, наклонил голову на один бок, на другой и говорит:

«Ничего не слышу!»

«Значит, глухой ты!» — сердито тьякнул Рекс и принялся копать ещё энергичнее.

«Ну как, есть?» — спрашивает через некоторое время Пўцек.

«Дурак! — крикнул Рекс. — Конечно, есть! Только знаешь что я дўмаю?»

«Ну?»

«По-мўему, его нет дома».

«Тогда и копать незачем!»

«И я так считаю. Зайдём сюда попўзже».

«А кто же это всё-таки?» — опять спрашивает Пúцек, показывая на норú.

«Ещё раз спросишь — влетит тебе по первое число!»¹ — огрызнулся Рёксик и побежал куда глаза глядят.

По дороге попался ушат, забытый Катериной. На дне ушата было немного бурды — остатки свиного корма. Пúцек, которому очень хотелось пить, полёз было в ушат. Рёксик его оттолкнул.

«Ишь какой! Всегда тебе первому? А другим, думаешь, не хочется пить?»

«Что-то эта вода невкусно пахнет», — предупредил его Пúцек, успевший уже понюхать содержимое ушата.

«Нечего привередничать, — наставительно заметил Рёксик. — Даже если сначала кажется невкусно — пей! Привыкнешь — понравится».

И сунул голову в ушат. Он долго, упóрно лакал прокисшую бурду, хотя ему было очень протíвно.

Пúцек смотрел на ушат и облизывался.

«Теперь ты пей», — наконец позволил Рекс.

«А хорошая вода?» — спросил Пúцек.

¹ Влетит тебе по первое число — здесь: сильно тебя избью.

Рэксик, мо́жет быть, и отве́тил бы ему́, но вдруг его́ так затошнiло, что он о́прометью кiнулся прочь. Разу-ме́ется, что́бы не по́ртить дру́гу аппети́та.

VI

За са́дом была́ лужа́йка. На ней пасли́сь две коровы́. Пу́цек, кото́рый до сих пор никогда́ коров не ви́дел, так как хлев был отгоро́жен от остальной ча́сти подво́рья вы-со́ким заборо́м, остано́вился в изумле́нии.

«Это что ж тако́е?» — шёпотом спроси́л он Рэкса.

«Это, брат, ходя́чее молоко́», — отве́чал Рекс то́ном со-ба́ки, кото́рой всё на све́те изве́стно.

«Молоко́-о-о?» — ещё бо́льше изуми́лся Пу́цек.

«Да-с, молоко́,— скуча́ющим то́ном отве́тил Рекс.— По-ню́хай — убе́дишься! И вооб́ще переста́нь мне надоеда́ть! Все́ ему́ расска́жи, все́ ему́ растолку́й!» — отрэ́зал он. Хле́бово, кото́рого он налака́лся, всё ещё дава́ло себя́ знать: бе́дному Рэксу бы́ло о́чень пло́хо.

Пу́цек, вы́тянув ше́ю, приню́хивался.

«Пра́вда, па́хнет молоко́м», — подтве́рдил он.

«Тó-то! — прикрикнул Рекс. — Не говорíл я тебе?»

«А где же у них молоко?» — спрашивает робко Пúцек.

«Вóзле хвостá».

«Вóзле хвостá?»

«А ты думал где?»

«А ёсли потяну́ть за хвост, что бúдет?»

«Что, что!» — передразни́л Рекс. По правде говоря, он и сам не знал, что бúдет, ёсли потяну́ть корóву за хвост. Но неожиданно для самого себя в́палил: — Польётся молоко!»

«Молоко польётся?» — поразíлся Пúцек.

«А ты думал как? Эх, Пúцек, какой ты ещё глúпый!» — усмехну́лся Рекс. Тошнотá, слáва бóгу, как бúдто проходíла.

«Ох, я бы сейчáс в́пил молока!» — вздохну́л Пúцек.

«И я», — согласи́лся Рекс.

«Ну, так как же?»

«Ты лови вон ту, пёструю, а я бúрую!» — скомáндовал Рекс. Он вообще не любíл дóлго раздумывать.

Друзья рíнулись вперёд. Но не так легко схватíть корóву за хвост, как ёто кáжется на пёрвый взгляд! Небо хмурилось, и мúхи, как всегда перед дождём, отчаянно кусáлись. Корóвьи хвосты б́ли в непрестáнном движёнии, кíсточки их так и мелькáли перед глазáми щенят.

«Хватáй!» — крикнул Пúцек, наконец вцепíвшись зубáми в Пестру́хин хвост.

«Есть!» — отозвáлся Рекс, повíснув на хвостё Бурёнки.

Вóзгласы ёти б́ли, правда, нёсколько приглушены, ёбо рты у щенят б́ли зányты, но друзья и так понимáли друг дру́га.

Корóвы, почúвствовав на хвостáх какúю-то т́жесть, вначáле не обратíли на ёто внимáния: травá была слíшком сочная и вку́сная. Онí продолжáли как ни в чём не бывáло обмáхиваться хвостáми.

«Ай-ай!» — завопíл Пúцек, трёснувшись с размáху лбом о корóвьи рёбра.

«Не выпускай, не выпускай! Ай-ай!» — крикнул Рекс, в свою очередь приложившись к Бурёнкиному боку.

На беду, коровам скоро надоели эти грузы на хвостах. Они начали размахивать хвостами с такой быстротой и силой, что щенятам пришлось напрячь все усилия, дабы не полететь, как камень из пращи¹.

«Ой, ой!» — визжал Пúцек.

«Держись, держись!» — подбадривал его Рёксик, описывая в воздухе головокружительные фигуры на коровьем хвосте.

«Хúдо мне от этой карусели!» — жаловался Пúцек.

«И меня мутит! Но надо терпеть!» — отвечал Рекс.

В этот момент хвост выскользнул у Пúцека из зубов.

«Погибаю!» — успел крикнуть Пúцек. Он описал в воздухе красивую дугу и шлёпнулся оземь с такой силой, что распластался на траве, как лягушка.

Пеструха, почувствовав облегчение, сделала несколько шагов вперёд. Бурёнка заметила, что Пеструхин хвост освободился, и ей стало завидно.

«Ну-у, погодь!» — промычала она, оглянувшись на свой хвост. И как лягнёт обеими ногами назад! Счастье Рёкса, что копыто не угодило ему в голову. И так у него искры из глаз посыпались!

¹ П р а щ а — древнее ручное оружие для метания камней.

Он отлетёл на несколько шагов, много раз перекувырнувшись по дороге. Сел. Осмотрелся. Пúцек подковылял к нему.

«Видно, не пить нам сегодня молока», — грустно произнёс он.

«А где ты видел, чтобы пили молоко, когда солнца нет на небе?» — заворчал на него Рекс и начал усиленно чесаться, растирая побитые кости.

Кап, кап, кап!

Одна за другой с неба начали падать капли. Всё чаще, всё чаще. . .

Пúцек, очень не любивший дождя, обратился в бегство.

«Домой, домой!» — кричал он.

«Беги, беги! Там тебя Катерина дожидается!» — залаял ему вслед Рекс.

Пúцек остановился.

Ему что-то не хотелось встречаться с Катериной. Он хорошо помнил, что от неё уже получил, и догадывался, что это был только задаток.

«Ну, что ж не идёшь?» — дразнил Рёксик.

«Успеется!» — отвечал Пúцек.

Он, словно и не собирался домой, принялся гоняться за коровами. Бегал вокруг них, тявкал, не забывая, правда, держаться на безопасном расстоянии от их рогов и копыт.

Скоро, впрочем, эта забава ему надоела.

Дождь лил всюю. Пёсик намок, как губка. Он, словно в лихорадке, щёлкал зубами.

«Что, замёрз?» — спрашивает Рекс.

«З-замёрз!» — признаётся Пúцек.

«Ну и дурак! Кто же это бегает по дождю? Когда с неба течёт, надо прятаться!»

«Хорошо тебе говорить: «Прятаться!» А куда?»

«За мной!» — приказал Рёксик.

Поджав хвост, он зарысился туда, где под навесом стоял маленький стожок сена. Рекс взобрался на сено. За ним и Пúцек с разбегу прыгнул на стог. Но бедный пёсик так отя-

желёл от воды, пропитавшей его пушистую шерсть, и так устал, что никак не мог влезть на сено.

«Лезь!» — командует Рекс.

«А я не могу-у!» — хнычет Пúцек.

«Лезь, когда тебе говорят!»

«Не могу-у! Домой хочу-у!»

«Сопляк! — с презрением проворчал Рекс. — Замучился я с этим растяпой Пúцеком! Последний раз говорю: влзешь или нет?»

«Не могу, честное щенячье, не могу-у-у!» — плачет-заливается Пúцек.

«Ну, смотри же — вот как влезают!»

«Я знаю, как влезают, да никак не влзу-у! Хны-хны-хны! Помогй!»

Ничего не подделаешь! Пришлось Рёксу слезть. Он ухватил Пúцека за шиворот, долго трудился — сопёл, пыхтёл. Наконец втащил друга на сено.

«Зарубй себе на носу: ёсли будешь ныть, так тебе задам, что Кйцека вспомнишь! Понятно?» — сердито крикнул Рекс на Пúцека и, чтобы тот лучше понял, довольно основательно тяпнул его зубами.

Пúцек отскочил в сторону и, как мячик, покотился вниз. Бедняга угодил в яму, образовавшуюся, когда Катерина брала сено.

«Спасйте!» — успёл он крикнуть отчаянным голосом.

«Дождайся! Так тебе и надо!» — с насмешкой ответил Рёксик, заглядывая в пропасть, на дне которой лежал полуживой от страха Пúцек.

Но то ли сено на краю ямы было слишком рыхлое, то

ли Рёксик неудачно поставил ногу — словом, не успел он ахнуть, как свалился на своего приятеля.

«Вот видишь! И ты провалился! А хвастался!» — говорит Пuceк.

«Я и не свалился вовсе, а сам прыгнул! — гордо отвечал Рекс. — Всегда в дождь сплю тут, в самом низу! Уютно, хорошо! Нигде лучше не выспишься!» — добавил он, свёртываясь клубком и зевая.

Пuceку тоже не оставалось ничего лучшего, как уснуть. Он улёгся на сено, прикрыл нос хвостом и захрапел.

VII

Сколько верёвочке ни виться, а кончику быть.

Щенки спали час, спали два. В конце концов проснулись.

«Я есть хочу!» — жалуется Пuceк.

«Ты всегда хочешь!» — заворчал Рекс.

«А ты разве не хочешь есть?»

«Поесть-то и я бы не прочь... — признаётся Рекс. — А дома сейчас, наверно, ужинают...»

«Так пошли домой!» — предлагает Пuceк.

«Пошли! — соглашается Рекс. — Вылезай!»

«Ты первый», — говорит Пuceк, не совсем понимавший, как вылезти.

«Ну, смотри! Учись, как надо вылезать!» — гордо говорит Рёкса и начинает карабкаться на сено.

Но, увы́, он то́гчас же съезжа́ет вниз.

«Что́-то у тебя́ пло́хо получа́ется», — ехидничает Пу́цек.

«Ста́нь-ка тут, я по тебе́ влезу!» — кома́ндует Рекс.

«А меня́ так и бро́сишь?»

Рекс презри́тельно сме́трит на прия́теля:

«Не я, что ли, втащи́л тебя́ на стог?»

Пу́цек послу́шно стано́вится туда́, где ему́ велел стать Ре́кся. Но, увы́, напрáсно он вставáл на цы́почки, пружинил спи́ну: едва́ ступи́в на се́но, Рекс скáтывался о́брáтно.

«Что же бу́дет?» — всхли́пнул наконе́ц Пу́цек.

На э́тот раз и Ре́кся не смог сказа́ть ниче́го ободря́ющего.

Сты́дно мне рассказывать, но, когда́ стемне́ло, из стога́ не́сся тако́й плач, что слы́шно бы́ло в да́льном конце́ са́да.

— Кто э́то там во́ет? — спра́шиваю я Кате́рину.

— А кто ж его́ зна́ет? Мо́жет, «нечи́стый»? — шепчет она́ и набо́жно крестится́.

— А Ре́кся и Пу́цек до́ма?

— Совсе́м неда́вно ви́дела их в саду́. Да разве за ни́ми усмо́тришь? Болта́ются где́-нибудь!

«Ну, — ду́маю, — не ина́че как они́! Забрали́сь куда́-нибудь и вы́лезти не мо́гут!»

Вы́тащил я дру́жков из се́на. Вид у них был нева́жный. Мо́рды бы́ли такие несча́стные и перепуганнне, что я не знал, пла́кать и́ли смея́ться, на них гля́дя.

Я бы́ло хоте́л прости́ть им просту́пок, на кото́рый жа́ловалась Кате́рина. Она́ утвержда́ла, что у одной́ у́точки, по-

родистой уточки, привезённой за тридцать земель, полómана лапка, и обвиняла в этом преступлении Пúцека.

О прощении она не хотела и слышать:

— Не будет порядка в доме, пока вы будете всё этим безобразникам прощать! Или есть справедливость, или нет её! Человек тут надрывается на работе, а толк какой? Ты одно, а они другие! Всё, всё им можно, озорникам несчастным! — кипятилась она. — Или наведёте вы с ними порядок, или ноги моей не будет в этом доме! Тут собаке больше уважения, чем человеку! — крикнула она напоследок, сбросила передник ихватила ведром оземь.

Ну что ж, справедливость так справедливость! А так как я был убеждён, что если Пúcek что и натворил, то не иначе как по наущению Рёксика, то приговорил обоих дружков к домашнему аресту.

Весь день просидели щенята взаперти, в чулане.

Только поднявшись на задние ноги, могли узники взглянуть в щёлку, поглядеть, что творится на белом свете.

Видите, какой у них грустный, пришибленный вид? Полюбуйтесь.

А если хотите, я вам как-нибудь ещё расскажу об этих собачонках. Потому что — должен вам признаться — люблю я этих безобразников. Может быть, как раз за то, что хоть они и растяпы, но у них так много выдумки и изобретательности!

СОДЕРЖАНИЕ

Мётка	5
Крушínка	14
Гусы́ня Малгóся	22
Жа́ба	34
Чёрный пету́х	42
Друзья́	50
Муц, безно́гий воробей	57
Университет на я́сене	63
Рékся и Пу́цек (<i>Пóвeсть о щеня́чьих прокáзах</i>)	71

Для начальной школы

Ян Грабовский

РЕКСЯ И ПУЦЕК

Рассказы

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *Н. Г. Холодовская*. Технические редакторы *Р. Б. Сиголаева* и *Н. Ю. Крапоткина*. Корректор *В. К. Мирингоф*. Сдано в набор 3/1 1973 г. Подписано к печати 14/III 1973 г. Формат 70 × 100¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,8. (Уч.-изд. л. 5,02). Тираж 100 000 экз. Заказ № 388. Цена 34 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Ленинград, 2-я Советская, 7.

34 коп.